

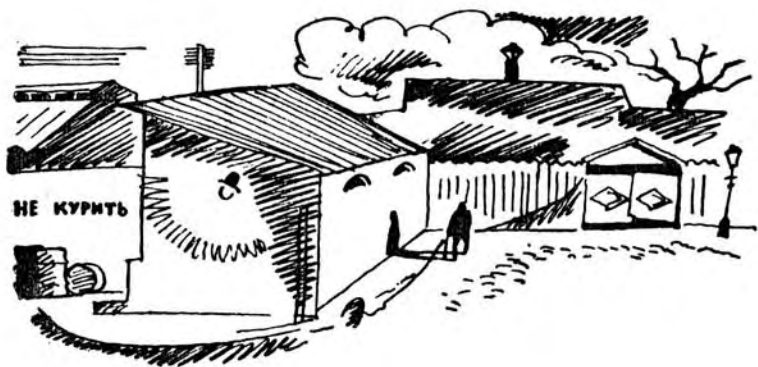
Федор
Каманин

Золотой
рубин

Хрустальная
ваза

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Хрустальная ваза

I

МАШИНА НАШЕЛ НАСТЮ

С трубкой в зубах, с палкой в руках идет Прокоп Машина домой из завода после работы. Палка дубовая, суковатая — гроза собачья. Трубка длинная, хрустальная, дымит как паровоз. И сам Прокоп — принизистый, присадистый, плечи широкие, ноги кривые — колесом, кепка старая, пиджак потертый, брюки заплатанные — тоже на паровоз похож. На маленький паровоз, на один из тех, что ходят по местной узкоколейке. Не идет, а катит. Недаром же его Машиной-то прозвали, машинами как раз эти небольшие паровозики в Дятькове, да и во всей округе, называют. Вот и Прокопа давно уже окрестили так. Он устал. Смена с шести вечера до двенадцати ночи — самая трудная, спать хочется, работа не спорится. Машина пыхтит трубкой, кряхтит, торопится домой. Калоши его все время норовят с ноги соскочить, в грязи застрять. Прокоп на них ворчит:

— Ишь ты, ишь ты! Ах, пропасти на вас нет!..

Городок Дятьково почти уснул. Только кое-где в окнах домиков светились огни да в клубе заводском гудел духовой оркестр — там шел спектакль. По улицам кое-где светили одинокие фонари.

На одной из центральных улиц, на Ленинской, там, где находятся главные магазины городка, слышен глухой разговор. По голосу Прокоп узнает ночного сторожа магазинов, старика Симудрова, а вот с кем он разговаривает — не понять.

«С кем же этот старый сыч разговор завел в такую пору?» — недоумевает Машина и поворачивает на разговор, к магазинам.

— Это ты, Симудров? — кричит Машина еще издали сторожу.

— Я. А это ты, Машина, пыхтишь-сопишь? — отозвался сторож.

— С кем это ты разговоры ведешь ночью? Уж не во сне ли сам с собой?

— Какое тебе — во сне! Тут оказия, брат, оказывается: девочка вот тут чья-то, ночевать ей негде, — поясняет Симудров.

— Девочка? Какая девочка? Почему ей ночевать негде? — оживился Машина, подходя к сторожу.

— Да вот она. Подходит, понимаешь ли, ко мне. «Дай я, говорит, дедушка, с тобою сидеть буду: на станции меня выгнали, а на улице я одна боюсь». Ну вот мы с нею и сидим рядышком, гутарим от нечего делать, коротаем ночь.

— Да, станция на ночь закрывается, это правильно, — говорит Машина и смотрит пытливо на девочку.

Девочка, по виду лет двенадцати — четырнадцати, сидела на ступеньках магазинного крыльца, в зипунке-безрукавке, в сарафанчике, в платочке и в сношенных лапотках. В руках у ней, на коленях, какой-то и с чем-то узелок. По одежде было видно, что она из деревни. Девочка робко взглядывала на Прокопа и молчала.

— А ты чья же будешь? — спрашивает ее Прокоп.

— Я, дяденька, из Понизовки, — тихо отвечает девочка.

«Из Понизовки... из Понизовки, — вспоминает Машина. — Знакомое что-то, а вспомнить не могу... Кажется, где-то в Смоленской области, около Рославля, деревушка такая есть. Помнится, проезжал я ее, когда за хлебом ездил в голодные годы. Да, кажется, там Понизовка эта самая...»

— От Рославля далеко деревня ваша? — спрашивает Машина у девчушки.

— За Рославлем верстов двадцать, дяденька, — ответила ему девчушка.

— А куда ж ты идешь? Или едешь?

— Не знаю...

Машина переглянулся с Симудровым: дело-то не шуточки, это им понятно обоим.

— Это как же так, а? — спрашивает Симудров.

— А так... Долго, дедушка, рассказывать, — говорит девочка.

«Девочка маленькая, а разговор ведет большая точно... Значит, нужду видела, так говорить только нужда учит», — думает Машина, смотря на девочку.

— Тебя как же зовут-то? — спрашивает он девочку.

— Настею.

— Ну, ежели тебя зовут Настей, то идем со мною.

— Куда, дяденька? — испугалась девочка.

— Ночевать, в квартиру мою.

— Я, дяденька, боюсь...

— Иди, дурочка, не бойся. Ты не гляди, что он нескладный такой. Это вид у него такой несуразный, а так он человек — рубаха, никого не обижает. У него своя такая-то стрелкоза есть, так она им командует почему попало, — ободряет Настю Симудров.

Настя робко встает.

— Ну, идем, идем! Время-то позднее уж, — говорит Машина, пытаясь трубкой. — А нам с тобою порядочно идти, живу-то я на самой окраине.

Настя взяла узелок свой и пошла за Машиною.

— Прощай, дедушка! — говорит Настя сторожу.

— Прощай, умница. Спи спокойно, у него в доме теплей тебе будет, чем у меня на ступеньках тут, — сказал Симу-дров.

II

НАСТЯ РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ МАШИНЕ

Сначала шли молча. Прокоп Машина молчал, и Настя боялась слово сказать. Машина думал о Насте, разные догадки строил — кто она такая и почему одна на улице оказалась.

— У тебя, значит, мать померла? — говорит он Насте.

— Да, дяденька. А ты нешто слышал об этом? — удивилась Настя.

— А то нет! Я тут же услышал, — соврал Машина, сам не зная для чего. — И как же теперь ты, без матери-то?

— А тятка новую мать привел, мачеху... Ты нешто не слышал об этом? В скорости, тут же, Ненилой ее зовут. Она привела с собою к тятке трех мальчиков своих...

— Ах, да, да, я забыл было об этом, — продолжает врать Машина, теперь уже для того, чтобы Настя разговор не бросала. — Как же, как же, я знаю даже Ненилу эту самую. Сердитая такая, любит кричать на детишек, бьет их.

— Своих-то она жалеет, а меня не жалеет. Она-то и уговорила тятку в пастухи меня отдать, свиней с овечками пасти.

— А тебе пасти не хочется?.. Конечно, кому охота целое лето в поле со свиньями таскаться.

— Нет, дяденька, я скотину люблю. Да только волки да воры одолели меня, сил нет. То волк овцу утащит из стада в лес, то нехорошие люди украдут. А я что сделаю? Разве я угляжу за стадом всем, особенно когда оно по кустам разбредется? А мужики сказали, что из жалованья моего вычет сделают. Мачеха ругаться на меня начала, а тятка даже по-

бил меня один раз. И тятка сказал, что ежели еще овечка пропадет хоть одна, то совсем меня убьет... Они думают, что я сплю в кустах, когда стадо пасу, а я, вот ей-богу, дяденька, как хочешь забожусь, ни разочку не засыпала на пастьбе. Да как же там уснуть-то? Попробуй-ка, усни, тут только ты их и видел, особенно овечек. А они, вишь, не верят мне! Даже тятка...

— Ы-ы-ых! — Машина сжал кулаки и скрипнул зубами.

— Ты что, дяденька? — испугалась Настя.

— Так... Жалко, что деревня ваша далеко отсюда, — прорычал Машина.

— А зачем она тебе?

— Хотелось бы мне твоему отцу и мачехе пару теплых словечек сказать, ну да, видно, не быть тому... Ну, говори дальше... Волк, значит, овцу опять у тебя и утащил?

— Нет, дяденька, воры двух увели. Воры хуже волка овец таскают.

— Бывает, что иной человек хуже волка, это верно, — согласился Машина.

— Ну, я и побоялась, что тятка совсем меня убьет, и... и убежала вот куда глаза глядят...

— И к нам в Дятьково прибежала?.. Ну что же... Это еще не так плохо. Ты грамотная?

— Да, дяденька.

— А работать ты любишь?

— Дяденька, да я... куда хочешь! Хочешь, в няньки пойду, хочешь — куда хочешь, лишь бы кто взял меня, — обрадовалась Настя.

— Ладно, это хорошо.

— Мне лишь бы, дяденька, не домой, там меня убьют: я ведь прямо с поля убегла.

— Туда, где бьют тебя, а заступиться некому, ходить тебе нечего. Свет не клином, детка, сошелся, можно место и другое найти... Ну, вот мы и пришли, вот моя и квартера. За разговором-то и дошли незаметно, — сказал Машина и застучал в дверь маленького домика, в три окна на улицу.

НАСТЯ ЗНАКОМИТСЯ С ЛЮБОЙ

Во дворе залаяла звонко собачонка, в домике вспыхнул свет, и кто-то зашлепал туфлями по коридору.

— Кто тут? — спрашивает за дверью девичий голосок.

— Я! — рычит Машина, как медведь.

— Паровоз мой?

— Да, да!

Отец с дочерью всегда вот таким образом перекликались через дверь, шутка да смех бытовали в их маленьком домишке.

А Настя этого не знала, она снова испугалась, подумав, что этот дяденька, который ее сюда привел, тоже сердитый. Может быть, еще сердитей ее тятки, раз он на свою дочь по-медвежьи рычит. Она даже подумала: а не убежать ли ей от него, пока не поздно? Вот только как это сделать теперь, она и не знала. Дяденька-то этот рядом с ней стоит, глаз с нее не спускает.

За дверью щелкнул засов, и Настя вошла вслед за Машиною в сени.

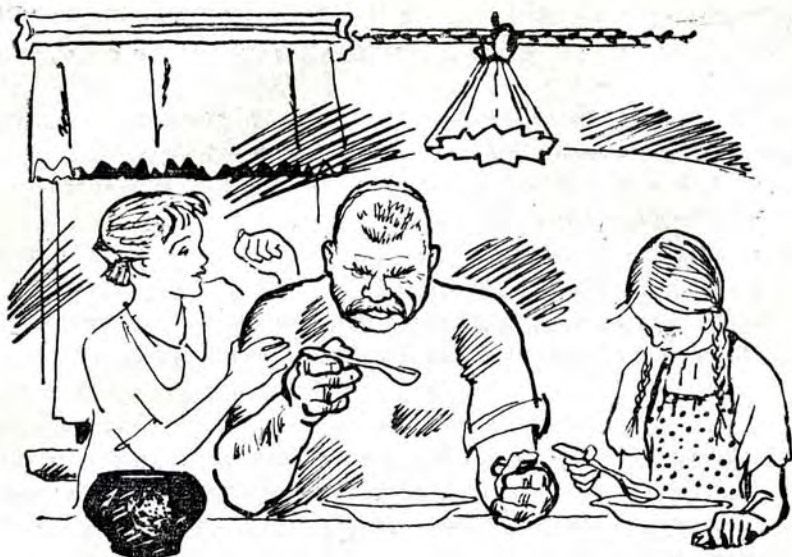
— Проходи, детка, проходи. Собака на дворе, а коза моя — вот эта самая, Любой ее звать, — указывает Машина на дочь свою, — коза эта не кусается, хотя у ней зубы и есть, и очень даже острые, — шутит Машина, чтобы Настю ободрить.

А Настя ни слова. Робко стала у порога, боится взглянуть на Любу, хотя и заметила мельком, что та в белой сорочке, такой белой, какой Настя никогда в жизни не видела, в шерстяном платке по плечам, в туфлях на босу ногу, а волосы острижены, как у мальчонка, и белый гребешок в волосах воткнут. Зато Люба смотрела на Настю во все глаза, не стесняясь ничуть.

— Паровоз, это кто такая? — спрашивает она отца.

— Это девочка, — отвечает Машина дочери.

— Я вижу, что девочка. А где ты ее взял и чья она, вот о чем тебя спрашивают.

— А-а, это вопрос особый. Сначала дай нам поужинать, потом мы уж и рассказывать будем.

Люба быстро достала из шкафа тарелки, ложки, нож, хлеб, из печки вынула два чугуночка маленьких, один со щами, другой с кашей. И опять к отцу:

— Ну, говори, говори!

— Ты, детка, ешь, не бойся, будь как дома,— говорит Машина Насте.

Настя никогда с тарелки не ела, никогда металлической ложки в руках не держала, не знает, как и приступить к ужину. А тут еще эта Люба все время смотрит на нее.

— Будешь ты мне рассказывать или нет?— спрашивает у отца Люба притворно сердито.

— Буду,— говорит Машина, уписывая щи.— Обязательно буду... Это девочка, зовут ее Настей, сирота она, ей негде жить, и у ней нет работы. Понимаешь, работы нет. А без работы человеку жить плохо. Помнишь, как нам жилось,

когда завод стоял и я не работал? Ну, вот... Значит, завтра я найду ей работу, а жить вот и не знаю, где она будет. Эту-то ночь она у нас переночует, а вот потом уж придется ей другое место поискать.

У Насти дрогнула рука, она чуть не выронила ложку.

— И завтра, и послезавтра, и всегда она у нас будет жить! Вот тебе за это, Паровоз ты противный! Всегда он любит вот так шутить, прямо сил моих нет жить с ним, — колотит Люба отца по спине шутя.

— Подожди, подожди, а где же у нас для ней комната? — кричит Машина, будто ему больно.

— Мы с нею в одной поместимся, в моей! Какой ты бес-
толковый!

— Ах, так разве! Ну, этого я не думал, я не ждал, что такая жадная девчонка, как ты, в свою комнату чужую девочку пустит.

— Слушай, Паровоз, опять начну колотить!

— Подожди, дай поужинаю, — смеется Машина. — И на сегодня, кажется, мне колотушек твоих вполне достаточно.

Настя теперь тоже уже улыбалась, глядя на них, она уже начала понимать, к каким людям попала. Она присмотрелась, как Машина орудовал ложкой в тарелке, быстро переняла эту науку и с жадностью начала уписывать щи, кашу, стараясь, чтобы Люба не видела, как она проголодалась. Таких вкусных, душистых щей Настя никогда еще не ела. А Люба совсем перестала смотреть на Настю, чтобы не смущать ее, занялась с отцом.

— Все? — спрашивает Машина, очистив тарелку с кашей.

— Компот есть.

— Давай!

Люба наложила им в блюдечки компота из яблок и слив, чайные ложечки подала. Настя робко потянулась к невиданному кушанью, взяла в рот и — оцепенела...

— Что? Не нравится? — спрашивает Люба. — Я, знать, мало положила сахара в него сегодня?

— Нет... Я... я... сроду такого колпоту не ела... вкусно-го,— пролепетала Настя.

— Колпоту, а не колпоту,— засмеялась Люба.— Ты ешь, ешь, у нас его много, яблоки и у нас нынче уродились. Ешь, не стесняйся, я тебе еще подложу...

— Ну, дети, спать, спать, спать! Утро вечера мудренее, завтра говорить будем,— говорит Машина девочкам, когда с ужином было покончено.

— Ложись, ложись, мы тебе не мешаем,— отвечает Люба, убирая со стола.

— Дай я тебе помогу,— робко попросила Настя.

— Я сама, сама, ты иди вот сюда, это моя комната, и раздевайся. А я сейчас приду,— тараторит весело Люба и ведет Настю за руку в свою комнатушку.

Прокон Машина, закулив трубку, завалился на кровать, улыбаясь довольно.

«Ну, теперь моей стрекозе весело будет. Очень хорошо, что эта девочка мне попалась»,— думает он, засыпая.

IV

НАСТЯ И ЛЮБА ПОДРУЖИЛИСЬ

Настя точно во сне все видит. Не верится ей, что все это наяву. Ведь совсем недавно, час тому назад, выгнали ее из станции, сказали, что тут ночевать нельзя, и она, точно собачонка бездомная, не знала, где ей приютиться на ночь. А теперь вот она сидит в такой уютной комнатушке!

Настя с любопытством огляделась. Таких красивых обоев она ни разу не видела. А на маленький столик, покрытый кружевной скатертью, Настя смотрела, как на чудо. На столике стояло зеркало Любино, коробка от конфет, коробка для иголок и ниток, два цветника хрустальных, зеленого цвета, а в цветниках — васильки. Настя точно зачарованная смотрела на все, забыла, где она и что ей делать нужно.

— Ты что же не раздеваешься?— спрашивает ее Люба,

входя в комнату.— Папа уже храпит. Он всегда здорово храпит, когда уморится. Не люблю я, когда он храпит, а он никак не может тихо спать. «Я, говорит, и не выплусь тогда, ежели не всхрапну как следует».

Только тут Настя услышала, как за тонкой перегородкой храпел во все тяжкие Прокоп Машина. Точно воз большой на гору вез, точно груз тяжелый навалили на него — так он храпел во сне.

— Во как старается, настоящий паровоз! Я его за это и зову Паровозом. А все рабочие зовут его Машиной за то, что он ходит, как машина, работает, как машина, и трубою дымит, как машина трубою.

— Он хороший, — говорит Настя.

— Ну это конечно же! Кто же не знает этого? Его за то все и любят. С ним все смеются да шутят, а за работу его все уважают. Даже директор наш всегда с ним разговаривает: он ведь первый мастер на заводе, в своем цеху, считается. Я его ужасно люблю. И вовсе не потому, что он мой отец, а просто так. Ну, давай раздеваться, ты ведь устала. Снимай свой сарафан, — говорит Люба.

А Насте снимать сарафан стыдно. Стыдно ей показать Любе, что на ней грязная посконная рубаха.

— Я лучше в сарафане лягу, — говорит она Любе.

— И не выдумывай лучше! Кто ж это спит в верхнем платье? Снимай, снимай!

— У меня рубаха не такая, как у тебя.

— А какая у тебя рубаха?

— Посконная.

— Посконная? Ну-ка, ну-ка, покажи, — тащит Люба с Насти сарафан. — Я никогда не видала посконных рубашек, какие они такие.

Она думала, что это ситец такой есть, посконь называется. А когда Настя сняла сарафан и осталась в длинной, как балахон, грубой, точно мешок крапивный, рубахе, серого, грязноватого цвета, жесткой на ощупь, Люба вскрикнула:

— Ой, как же ты ее носишь?! Она же точно железная!

— Зато прочная, не скоро изнашивается, — говорит Настя.

— И у вас все девочки в таких ходят?

— Нет, не все. Которые побогаче, те в ситцевых и в льняных, а в посконных только бедные.

— А из чего такие рубашки делаются?

— Из замашек. Прядут замашки и ткут из них холстину.

— А что это такое «замашки»? — допытывается Люба.

— Ну как тебе это пояснить... — замялась Настя. — Это вроде пеньки, они в конопле растут. Только их раньше конопли выбирают, стелют по лугу, а потом сушат и мнут. А коноплю в сажалках мочат, а потом сушат. Из конопли пенька потом получается. Но замашки то же, что и пенька. Пеньку тоже иной раз прядут, а потом холсты ткут. Но больше пенька на веревки идет. Коли замашек и льну мало, то и пеньку прясть станешь. Я с матерью три года пеньку прjala.

— Ты прясть умеешь?

— Да, а ты нешто не умеешь?

— Нет. Я не видела даже, как прядут.

— А что ж ты делала?

— Училась. А когда мама померла, хозяйствовать чуточку приходится. Я и сейчас учусь, в фэзэу.

— Где, где? — не поняла Настя.

— В фэ-зэ-у, — отдельно, по слогам, произнесла Люба. — Это наша школа, фабрично-заводского ученичества, так сокращенно называется. Я хочу быть мастером-шлифовальщиком.

— А-а, — протянула Настя, а сама так и не поняла, что такое мастер-шлифовальщик. Переспросить же Любу второй раз постеснялась.

— Ну, Настя, давай спать. Мы лучше в кровати будем разговаривать, — говорит Люба. — Только знаешь что... Сделаешь ты одну штуку, которую я скажу тебе?

— Какую?

— Нет, ты сначала скажи, сделаешь или нет?

— Ладно, сделаю, — робеет опять Настя.

— Сними свою рубашку и надень мою. Я тебе сейчас дам чистую.

— Нет, как же это? Я сроду чужую рубаху не носила.

— Нет, нет, нет! Сказала — сделаю, теперь, брат, назад нельзя, — хлопнула Люба крышкой корзины, где у нее белье лежало. — Вот, бери и надевай, без всяких разговоров. Надевай, надевай!

Настя видит, что упорствовать ей перед бойкой Любой невозможно, больно уж она командовать умеет, недаром ее отец даже слушает.

«Вот Любу бы к моей мачехе, ее бы она не посмела колотить и ругать. Люба не такая, как я, она в обиду себя не даст», — подумалось Насте.

Настя покорно сняла с себя свою рубаху посконную, а Любину, полотняную, надела. И точно гора у ней с плеч свалилась, а вместо горы пух по плечам полег, такой мягкой показалась ей Любина рубашка.

— Ну, как? — спрашивает Люба.

— Хорошо! — отвечает Настя.

— А-а, то-то же! А еще не хотела переодеваться! Ну, а теперь спать, в кровать. Раз, два, три! — прыгнула Люба по-кошачьи на кровать. — Ты к стенке ложись, к стенке!

Настя легла к стенке и потонула в пуховичке Любином.

— Ох, постель какая у тебя мягкая! — говорит Настя.

— Это мне от мамы осталось. Моя мама умерла, — сказала Люба.

— Моя тоже.

И девочкам стало грустно.

— Хочешь, будем дружно жить? — говорит Люба.

— Хочу, — говорит Настя.

— А то у меня есть одна подруга, Нинка, но она всегда задается, как чуть что — фырк! Мне даже надоело это. Ты подумай, мы с нею вместе в школу ходили, вместе в фэзэу подали заявление. А она все задается. И это потому все, что мне не с кем еще дружить. Я ей так и говорю: «Нинка, не за-

давайся, я найду другую подругу, получше тебя». А она: «Ну и ищи, ты мне не нужна, у меня Соня есть». А эта Сонька, ежели бы ты ее, Настя, видела!

Тихое, ровное дыхание услышала Люба в ответ.

— Настя!

Настя молчит. Она заснула как убитая: ведь она прошла сегодня больше двадцати верст пешком! Люба посмотрела на свою новую подругу, тихонько поцеловала ее и начала думать, чтобы поскорей заснуть...

V

НЕУДАЧНЫЙ СОН МАШИНЫ

Первый проснулся Прокоп Машина. Вой заводской сирены на пожарной каланче, пронзительный, диковато-жуткий, разбудил Прокопа: он вскочил и посмотрел на часы.

— Эге, уже пять часов! Вставать пора.

Он долго спать не любил. Часов пять-шесть ночью, часок после обеда — и будет с него.

Тихонько встал он с постели, не спеша оделся, на цыпочках пошел в комнату, где спали девочки, и засмеялся.

— Ишь ты, точно сестры родные! Подружились в один миг. Ах, дети, дети!

И вышел на двор.

А на дворе уже ждут не дождутся дворовые жители его: собачонка Стрекоза, петух Макарка с тремя курами — Феклой, Дарьей и Матреной. Досужая Стрекоза первая кинулась хозяину на плечи, за ней бравый Макарка взлетел, приглашая кур. Но куры клохтали в ответ, а на плечи хозяину не летели, опасно все-таки.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, — говорит Машина собаке и петуху. — Что, есть захотели? Дам, дам сейчас...

Машина пошел в амбарчик, вынес оттуда совок с овсом и сыпнул наземь.

Из-под крыши, заслышав хозяйский голос, выпорхнули

голуби и закружились у ног Машины. Макарка клевал овес и поглядывал искоса то на голубей, то на хозяина.

— Ох и жулик петух! Не любит он голубей, да боится отогнать—я, вишь, тут. А отойди-ка я, живо погонит, сам все полопает. А того не понимает, дурашка, что есть все хотят, что голод не тетка, пустая кишка острее ножа.

А Макарка знай уписывает овес, сразу по пяти зерен norовит схватить.

Дождавшись, пока куры и голуби поклевали, Машина пошел в сени умываться. Но сначала он не позабыл покормить и Стрекозу, вынес ей корки хлеба и кашу, оставшиеся после вчерашнего ужина его с Настею. И потом уже начал умываться, разводить самовар. И только тогда будить девочек стал, когда самовар поспел.

— Коза, вставай!

— М-м-м,— мычит Люба сонно.

— Мычи не мычи, а вставать-то нужно.

Настя вскочила точно ужаленная. Где она и что с нею? Как она сюда попала? Чей это дядя и чья эта девочка? И постель не ее, не Настина.

— Что, заспалась? Забыла, где была и где очутилась?— смеется Машина.

«Ах, да! Вспомнила... Это ж дядя Паровоз, Любин отец, а это сама Люба»,— думает Настя.

— Коза, а Коза, вставай, брат, вставай!— продолжает требить дочь Машина.

— М-м-м-м...

— Самовар уж вскипел, один весь самовар выдую.

— От тебя это жди, потому что ты — Паровоз,— вскочила Люба сразу.

— А, то-то же!— хохочет Машина.

Пока девочки умывались, Машина стол к чаю накрывал. Поставил на стол чашки, стаканы. В хрустальную корзину положил хлеба, в кувшин, тоже хрустальный, с синими и розовыми прожилками, молока налил. Машина не так, как другие: кузнец, а топора нет, печник, а труба повалилась. Нет,

у него не так! Ежели он работает на хрустальном заводе, то и посуда у него должна быть хорошая, из хрусталя настоящего.

Накрыв на стол, Машина сел чай пить.

Он всегда пил чай с блюдечка, чтобы остывало лучше и напиться скорее можно было. Он так громко дул на горячий чай, так вкусно причмокивал губами, что девочки сразу догадались, что он их дразнит.

— Ты слышишь? — спрашивает Люба Настю.

— Слышу.

— Идем, а то, шутка шуткой, и попьет весь чай. Он один раз весь самовар выдул. Наелся как-то селедки и выпил. Правда, самовар наш небольшой, двенадцать стаканов всего.

Настя не удивилась. У них один мужик ведерный самовар выпивал.

— Вот это обжора, я понимаю! — кричит Люба.

Одевшись, девочки вышли к Машине.

— Ну, Паровоз, с добрым утром! — здоровается Люба с отцом. — Как спал? Что во сне видел? Ты знаешь, Настя, он всегда выдумывает сны. Как встанет, так и начинает мне рассказывать. И чего он только не наплетет тут!

— А зачем же ты слушаешь? — улыбается Машина.

— А затем, что ты очень хорошо выдумываешь, складно у тебя получается. Ну-ка, расскажи нам, что ты сегодня во сне видел.

— Нет, что ж рассказывать-то... Если человеку не верят, то нечего и рассказывать.

— Сегодня я тебе поверю, рассказывай.

— Тогда дело другое, можно и рассказать, — откашлянувшись Машина.

— А ты тем временем чай пей, — говорит Люба Насте. — Вот тебе хлеб, молоко. Слушай и кушай, он ведь долго будет разговаривать.

— Ой, какая у вас посуда! И где вы только купили ее? — говорит Настя, не сводя глаз с хрусталя.

Дома она пила чай из глиняной кружки, стаканов у них

никогда не было. А ваз она и не видела сроду, не знала даже, какие такие вазы бывают и для чего они.

— А это вот все его работа, — указала Люба на отца. — Он все это сделал для себя.

— Сам? — изумилась Настя, тараща на Машину глаза.

— Ну да, — смеется Люба. — Он у меня работать молодец! Ну, ну, Паровоз, сон все-таки рассказывай.

— А что мне рассказывать-то? Сон я сегодня больно коротенький видел, рассказывать нечего.

— Ладно, ладно, — пристаёт Люба.

— Ну вот, значит... — начал Машина.

Люба толкает в бок Настю.

— Будто бы очутился в другом городе я, на другом совсем заводе, в другой квартире. И дочка будто бы у меня совсем другая, и Настя будто не Настя, а Дуня какая-то... Ну ладно, очутился, думаю, и очутился, жить-то нужно... Работаю я будто бы, живу, а девочки на моей шее сидят, хлеб едят, работать пока не работают...

— Ты слышишь? — толкает Люба Настю.

— И меж собой у этих девочек дружба большая. Вместе спят, понимаешь ты, словно две сестры родных, обнявшись, вместе играют. Прямо дружба — водой не разольешь! А я слышал еще раньше, что дружба у девочек непрочная бывает, чуть что — живо царапаться начнут.

— Какие девочки... — замечает Люба.

— Всекие, они все одинаковые... Ну, вот... Значит, и эти девочки, смотрю, один раз дерутся! Дерутся, ругаются, плачут. Ну, думаю, что ж это случилось тут? И что ж вы думаете, из-за чего они дрались?

— Не знаю, — отвечает Люба.

— Из-за куклы, — говорит Машина.

— Нет, Паровоз, сон ты сегодня выдумал плохой, — говорит Люба, — не нравится он мне. Знаешь, Настя, это он намекает, что, дескать, мы с тобой драться будем скоро. Это он про нас выдумал. Нет, Паровозик мой, я теперь уже в куклы бросила играть. И Настя не Нинка, драться не станет.

Это с той мы частенько из-за кукол цапались когда-то. Нам не до кукол теперь, а работать нужно. Ты лучше расскажи-ка мне, куда ты думаешь Настю определить, чем сны разные выдумывать, — сказала Люба.

Машина молчит. Сон и самому ему не понравился. Плохо вышло, лучше бы и не рассказывать сегодня.

— Ты слышишь, о чем тебя спрашиваю я?

— Слышу.

— Ну и как же ты думаешь?

— Куда-нибудь определяю... Пейте-ка чай поскорее.

— Я больше не хочу чаю... Спасибо, — говорит Настя, вылезая из-за стола.

— А я еще выпью, — сказала Люба. — Ты, Настя, не горюй, он работу тебе найдет, он у меня дошлый.

После чая Машина пошел в продуктовый магазин купить к обеду мяса и крупы.

А Люба повела Настю во двор и в садик. На дворе показала голубей, петуха Макарку с курами, Стрекозу. В садике всего пять деревьев было: три яблони, две вишни владимирских да несколько кустов малины, черной смородины и крыжовника у изгороди росло. А середину садика занимала клубника, огурцы и помидоры. Картошка же у них росла уже в поле, за оградой садика.

— Это все Паровоз мой завел. Он очень любит возиться с деревьями, — рассказывала Люба своей новой подруге.

VI

НАСТЯ И МАШИНА ИЩУТ РАБОТУ

Придя домой из магазина, Машина сдал продукты Любе.

— Ну, Коза, стряпай тут нам обед, а мы пойдем работу Насте искать, — говорит он дочери.

— Как, уже сейчас идете? — удивилась Люба.

— Да, да! Чем раньше, тем лучше. Идем-ка, Настя, идем!

Настя робко поплелась за Машиной.

Машина на ходу набил трубку табаком и закурил. А потом он зашагал так быстро, что Насте пришлось уже вприпрыжку бежать за ним. Встречные удивленно смотрели на Настю, здоровались с Машиной, а он шагал важный, как индюк, угрюмый, как медведь.

Первым долгом направился он в контору завода. Настя, конечно, старалась не отстать от него ни на шаг, ведь эта контора такая большая, одних дверей по обе стороны не перечесть. Скроется за какой дядя Прокоп этот, не углядишь, а потом ищи его свищи, гадай, за какой он дверью находится.

В конторе уже занятия шли. Насте было слышно, как за некоторыми дверями щелкали на счетах, тихо разговаривали меж собою. Настя остановилась в нерешительности.

— Дяденька Прокоп, мне с тобой все время идти? — спрашивает она.

— А то как же? Так и шагай за мной, так и шагай! — говорит Машина.

Пройдя по коридору всю контору, они остановились перед дверью с надписью:

КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

Машина легонько постучал в дверь.

— Можно! — крикнул кто-то за дверью.

Машина рванул дверь и шагнул в кабинет директора.

Настя — за ним.

За столом в кабинете сидел и читал бумаги человек, очень сердитый на вид, бритый весь, в сером пиджаке и таких же брюках.

— А-а, Машина! Здорово... Садись, брат, я сейчас, — улыбнулся Прокопу сердитый человек.

Машина сел на стул и молчит, попыхивая трубкой.

— Фу, черт! Ну и несет же от твоей трубки табачищем, прямо подохнуть можно! — закашлялся директор. — И где такую отраву добываешь?

— Ничего, цел будешь, — спокойно отвечает директору

Машина. — Это ты как стал директором, так и избаловался на папиросках, махорка тебе крепка кажется. А табачок у меня свойский, сам на огороде выращиваю. Очень хороший табачок! Я пробовал курить разные покупные, нет, не тот коленкор, нет смаку в них того, что в моем свойском.

— Я, брат, и папиросы курить бросил: вредно все равно, что папиросы, что трубка... Ну, ты что скажешь мне? Зачем так рано пожаловал? — спрашивает директор.

— Ты видишь эту девочку? — указывает Машина на Настю.

— Вижу, — говорит директор.

А Настя ни жива и ни мертва. И сама не знает, чего она боится.

— Так вот. Она, брат, сирота. Я ее подобрал на улице вчера. Жить она будет у меня.

— Что ж, хорошее дело. У тебя детей одна дочь ведь?

— Да. Так вот, я и говорю, жить она будет у меня, а работать у тебя. Давай ей работу.

Директор смотрит на Машину, Машина на директора.

— Ты шутишь, что ли?

— И не думаю шутить. Какие ж тут шутки, когда человеку работу подыскать нужно?

— А где ж я ей работу возьму? Ты знаешь, что у нас все места заняты? У нас много своих таких, которых надо трудоустраивать.

Тут Машина как вскочил да как зачал размахивать трубкой своей! Да еще кричать начал на директора. У Насти со страху и душа в пятки ушла, она испугалась за дядю Проккопа, думала, что сейчас директор в милицию позвонит и Машину заберут.

— А-а! Места заняты! А-а, своих надо устраивать? А она чья? Чья она, когда ребенок не знает ночевать где, не знает кусок хлеба взять где?! Ежели я приютил ее, то не навек. В конце концов должна она сама хлеб зарабатывать, должна к делу приучаться? Так что девочку эту ты обязан в первую очередь на работу поставить, потому что как она сирота.

— Подожди, не кричи, тебя не боятся, — сердито оборвал директор Машину. — Все это верно, но куда я поставлю ее? Она деревенская, на заводе никогда не была, она в цеху и шагу ступить побоится. Куда ее поставить?

— Ко мне в бригаду. Будет хрусталь относить в прокатную печь. Дело нехитрое, девчонка она смышленная, в один день освоится. И работенка легкая, как раз ей по силе.

— А у тебя же там есть кто-то на этой работе?

— Есть, Маня Сизова. Но она на днях в портняжную мастерскую уйдет, портнихой хочет быть, сказывала она мне.

— А-а, тогда дело другое. Только с отделом кадров и с

завкомом сам улаживай вопрос этот, а я уж потом все сделаю.

— Я улажу, — говорит Машина, пыхтя трубкой, и уходит из кабинета.

Настя вышла за ним бледная, испуганная.

— Ты чего это, детка? — ласково спрашивает ее Машина.

— А я боялась, что вы драться начнете и он тебя побьет, — говорит Настя. — Или в милицию позвонит, и тебя заберут, ты ведь на него так кричал...

— Кто? Директор? Ха, ха, ха! Да ведь это ж наш человек, рабочий. Мы его в директора сами выбирали когда-то. Это ж Петька Иванов, мой друг самый. Мы ж с ним когда-то и в одной бригаде работали. Покричать мы с ним всегда покричим, ежели дело такое, а чтоб драться, это уж нет, — смеется Машина, шагая в отдел кадров. — Мы с ним друг друга уважаем крепко, да его и все у нас уважают, парень толковый.

Настя трусила за ним и удивлялась. Чудно и диковинно казалось ей тут все, а всего чудней этот дядя Прокоп: то угрюмый, кричит, молчит, а то смеется, ласковый, добрый.

В отделе кадров дело обошлось без всяких криков. Завкадрами не стал возражать, чтоб Настя работала относщицей посуды в бригаде Прокопа, раз он сам просит о том и ручается, что с работой она справится. Завкадрами только позвонил к директору, поговорил с ним с минутку, и все.

И уже потом они пошли в последнюю инстанцию, где им побывать надо было, — в заводской комитет.

В заводском комитете весело закричали, завидев Машину. Со всех сторон его обступили, по плечу хлопали, шутили над ним дружески.

— А-а, Машина! Здравствуй, здравствуй! Ты-то нам и нужен.

— Ладно, и вы мне нужны, — отвечает Машина.

— Во-первых, — говорит председатель завкома, — завтра собрание заводского комитета, так что ты приходи обязательно. Начало в шесть вечера.

— Во-вторых,— кричит секретарь культкома,— ты избран в комиссию по смотру художественной самодеятельности, первый вечер этой самодеятельности состоится в воскресенье, в восемь вечера, явка всех членов желательна и обязательна.

— Во-первых и во-вторых, товарищи, помогите мне сначала уладить вопрос вот с девочкой этой, зовут ее Настею,— отвечает всем Машина.

— А что с ней такое? Чья она?

— Она ничья, она сама собою, живет она у меня со вчерашнего дня. Директор берет ее на работу, отдел кадров оформит, теперь нам что нужно? Чтобы вы, комитет, не возражали, а даже ходатайствовали за нее. Вот об этом я и толкую сейчас с вами. А потом уж комиссии и заседания устраивать будем.

— Она член профсоюза?— спрашивает секретарь.

Но Машина так на него посмотрел, что он покраснел как рак вареный, а все засмеялись.

— Чудак ты, право, Кузнецов,— говорит председатель секретарю.— Девочке лет тринадцать-четырнадцать, а ты — «член профсоюза»!

— Ну ладно, значит, как же?— спрашивает Машина.— Пишете вы заключение свое?

— Что же... нужно написать, если она беспризорная.

— Она теперь не беспризорная, но работа все равно ей нужна.

Секретарь взял лист бумаги и начал писать:

«Завком Дятьковского хрустального завода доводит до сведения директора завода, что со стороны завкома препятствий к поступлению на работу...»

— Как фамилия девочки?— спрашивает секретарь.

И тут только Машина вспомнил, что он еще не знает Насиной фамилии.

— Фамилия... фамилия-то ее... Зовут-то ее Настею,— бормочет Машина,— а вот фамилия...

Все засмеялись.

— Эх, Машина! Хлопочешь о девочке, а сам не знаешь даже фамилии ее.

— Дело не в фамилии, чего хохочете? Был бы человек, а фамилия будет. Настя, как твоя фамилия? — спрашивает Машина.

— Лукошкина, — отвечает Настя тихо.

— Ну, вот видишь! Лукошкина! Пиши — Лукошкина Настя, — говорит Машина.

«...Лукошкиной Насти нет. Завком ходатайствует даже принять ее в первую очередь, так как она сирота».

Председатель и секретарь подписались, печать приложили. Машина взял бумагу и направился к выходу.

— А на заседание завтра приходи! — кричит председатель вслед.

— Приду, — говорит Машина.

Из завкома Машина и Настя зашли и в заводской комсомол.

— Тебе, девонька, скоро придется вступить в члены ВЛКСМ, комсомолкой стать. Значит, надо тебя с секретаршей ихней завремя познакомить, чтоб она знала, какая ты есть и какое твое положение. Секретарша у них девица боевая, Катя Губанова, ты к ней присматривайся да пример с нее бери, как работать надо, жить как надо, — говорит Машина Насте, направляясь с нею в комитет ВЛКСМ.

Катя Губанова, как только узнала, в чем дело, выслушала от Машины Настину историю, так сразу же отнеслась к Насте словно сестра ее родная, старшая, успокаивать ее начала.

— Ничего, Настенька, ничего! Все образуется, все наладится. Народ у нас неплохой, ты будешь тут как в семье родной. В комсомол мы тебя примем потом. А пока обживайся да не скучай, носа не вешай! Мы тебе всегда поддержкой будем, если что — прямо вот сюда, к нам иди!

— Вот это я понимаю, — говорит Машина Насте, когда они вышли из комитета ВЛКСМ и зашагали уже домой. — Молодая, а разум лучше, чем у взрослого: сразу видит, как

поддержать человека нужно. Как будто дела у нас идут как надо, что только покажет дальнейшее. А дальнейшее во многом от тебя самой зависеть будет. Будешь стараться в работе, все хорошо и будет. А в этом я на тебя надеюсь. Ты запомни раз и навсегда: хорошего работника всегда и все ценят и уважают. Вот так-то вот!

А у Насти кружилась голова. Контора, директор, отдел кадров, заводской комитет и теперь вот комитет ВЛКСМ. Всюду люди, все работают. И люди не такие, как в родной Понизовке, и дела у них свои, особые. С ума сойти, сколько тут народу!

А дома Люба уже ждала их с обедом.

— Ну как? — спрашивает она у них, лишь только они порог переступили.

— Не принимают, работы, говорят, нет, — отвечает Машина.

Но Люба по лицу Насти сразу догадалась, что все хорошо устроилось.

— Паровоз, ты сегодня без обеда! — кричит Люба.

— Вот те раз! Это почему ж так? Мне скоро на работу идти, а тут без обеда?

— Не будешь обманывать. Настю ведь приняли?

— Ну да, приняли. Я тебе так и говорю. Но только они сначала ни в какую было: нет работы, да и все тут! А когда я им сказал, что могу принять ее в мою бригаду, у меня одно место скоро освобождается, то тут уж они иное запели, согласились ее взять. Конечно, годков ей еще маловато, но работенка у ней будет не заботистая, она мелочь будет от моего стула относить в прокатную печь.

— А-а, по-другому запел, когда я тебе пригрозила без обеда оставить? — торжествует Люба.

И все засмеялись.

— Ты рада, что работать будешь? — спрашивает Люба Настю.

— Да, — отвечает Настя.

— И я за тебя рада. Я сама тоже никак не дождусь, ког-

да учиться кончу и работать стану. Хотя я и сейчас работаю, но только два часа. Нам больше еще не дают работать, мы — фабзайцы.

— Какие зайцы? — не понимает Настя.

— Фабзайцы — это те, кто учится в фэзэу. Это нас так в шутку называют, — поясняет Люба.

— Ну, фабзайчонок мой, обедать все-таки давай. Если бы ты знала, сколько мы ходили с нею да сколько разговоров переговоровили мы, так ты бы сразу на стол суп подала.

— Я и подам сейчас, минутку потерпите, — отвечает Люба.

После обеда Машина и Люба пошли на завод, а Настя осталась дома одна.

— Ты тут отдыхай, спи, — сказала ей Люба.

— Да, да, задай тут храпунца хорошего. Потом иной раз и захочешь всхрапнуть, ан нет, некогда будет, — посоветовал ей и Прокоп.

Да, им легко сказать «спи», «задай храпунца». А как же тут заснешь, когда мысли разные набегают одна на одну, все тревожные, беспокойные? Справится ли она с работой? Как дальше будет складываться у ней жизнь? Пока пошло как будто порядком, но это же не значит, что и всегда так гладко будет идти у ней все. Настя хоть и мало еще на свете прожила, а горюшка хлебнула порядком. Ей так и мерещилось, что какая-то беда да поджидает ее где-то.

Настя в этот раз долго не могла уснуть.

До полуночи и Люба не спала с ней, все толковали они о том, как Настя работать начнет, что ожидает ее на заводе, чему ей там учиться придется.

— И знаешь, Настя, первым долгом тебе придется нужно. Ты знаешь, у нас в Дятькове девчата любят принарядиться, вот сама увидишь. И ты не хуже других должна быть, — говорит Люба.

— Ну, мне хоть бы какое-нибудь платьице на первый-то раз, — вздыхает Настя.

— Зачем какое-нибудь? Хорошее, да и не одно нужно, а

два или три. Потом туфли с калошами, платок, пальтишко, — соображает Люба.

А у Насти в голове мысль за мыслью. Неужто у ней будут ботинки с калошами? А пожалуй, и будут. Ой, она тогда прямо умрет от радости! Ведь она никогда-никогда еще не носила ни ботинок, ни туфель, на людях только видела. А то все лапти, лапти, в будни и в праздники.

— Сразу все это не купишь, — рассуждает Люба, — потому за месяц не много ты заработаешь. Но потом, со временем, можно все сделать, только работай.

— Мне хоть бы за год справить все это, — говорит Настя.

— Ну, за год! За полгода справим! И тогда будем мы с тобою ходить в парк гулять, в клуб на спектакли. У нас в клубе библиотека есть хорошая. Ты книжки читать любишь? — спрашивает Люба.

— День и ночь читала бы! — говорит Настя.

— А я, признаться, не совсем. Мне бы только работать да в парке гулять, спектакль посмотреть. А книги... От них мне спать хочется всегда почему-то.

— Нет, а я книжки так бы и читала, так бы и читала! Только в нашей деревне книжек мало было, в школе да в избе-читальне. Я их все перечитала, некоторые раза по два.

— Ну, в нашей-то клубной библиотеке столько книжек, что ты и за всю жизнь не перечитаешь.

Люба уснула. А Настя все думала.

Заснула она только под утро.

А утром, после завтрака, Настя пошла с Машиною на завод на работу, пошла в первый раз.

VII

НА ЗАВОДЕ

Мастера гутенского цеха, той смены, в которой и Прокон Машина работал, подходили один за другим. Скоро сирена взвояет, их черед верстаки занять. Они снимали пиджаки, покуривали, меж собою тихонько разговаривали.

— Ну, Машина, братцы, пытит и какую-то девочку за собою тянет, — смеется мастер Селезнев.

— Он все время за собою ее таскает. Я эту девочку вот уж дня два вижу с ним, — говорит мастер Кузнецов. — Какая это девочка, что он ее за собою таскает, понять не могу.

Настя никогда не видела завода, никогда не была ни на одном из них, только в книжках читала про них да на картинках видела. Но одно дело в книжке читать, другое — видеть своими глазами, быть там.

Гутенский цех показался ей длинным-длинным, купол крыши выше леса. Посредине выстроились круглые горшковые печи, а в самом конце, больше всех, печь-ванна. Вокруг ванны и вокруг горшковых печей сутились, работали, точно наперегонки, люди. У каждого какие-то железные трубки, на трубках раскаленные хрустальные шары, вазы, рюмки, стаканы, кувшины, подносы.

И чудо-чудное! Хрусталь горел, как солнце, извивался мягко, точно восковой. Мастера сидели на стульях, к ним подносили подмастерья то одну, то другую трубку, с колпаком, с ручкой, с крышкой. Мастера быстро приделывали ручки, ножки, передавали обратно. Подбегали относчицы-девочки, подхватывали длинными деревянными вилками раскаленные вазы и несли их в прокальные печи.

В каждой круглой печи — горшки с расплавленным хрусталем, в каждой — хрусталь цвета разного. В первой печи — зеленый, во второй — синий, в третьей — самый дорогой, свинцовый, бесцветный, прозрачный, как роса, в четвертой — розовый, в пятой — золотисто-желтый. А в самой большой, ванной печи — простое стекло, но тоже хорошего колера, чистое, как родниковая вода.

Настя точно во сне шла за Машиною. Она словно попала в заколдованный мир. Разноцветные кувшины, вазы, стаканы, цветники, графины, казалось, порхали в воздухе, один за одним летели в прокальные печи, словно голуби разноцветные.

Поприглядевшись, Настя заметила, что один мастер де-

лал кувшины все в комочках, точно ежики, другой — перевитые разноцветными нитями прихотливым узором.

Настя как вкопанная остановилась, смотрела на диковинные кувшины.

Немного подальше работали на прессах. Подмастерья на железной палке подносили к прессам раскаленный хрусталь, мягкий, как воск подогретый. Мастер отрезал щипцами хрусталь столько, сколько нужно, опускал рычаг пресса, минутку выжидал, поднимал рычаг и вынимал хрустальную корзинку для конфет, узорную, граненую. Настя и рот разинула и от Машины отстала.

Парнишка озорной, заметив Настю с ртом открытым, мигом схватил щепотку песка и сыпнул Насте прямо в рот. И в ту же минуту заорал от боли: Машина лихо трепал его за вихры, схватив ловко пятерней сзади.

— Ой, ой, дяденька, ой, Машина! Не буду, не буду! — кричал озорник.

— Я тебе покажу, как баловать! Она тебя не трогала? — рычал Машина.

Мастера смеялись.

— А ты, того, рот не разевай тоже, — говорит Машина потом уже Насте.

Но как же тут не разинуть рот? Вот ванна — печь огромная, вся опутана хрустальной паутиной. Тончайшие нити хрустала, точь-в-точь паутина, протянулись от круглых окошек, где мастера хрусталь берут, повисли у верстаков, полезли даже на купол. Никогда Настя не думала, что хрусталь в ниточку может вытянуться и, как ниточка, от ветра качаться. А ветер тут от вентиляторов электрических. Против каждого верстака вентилятор поливает и поливает мастеров струей свежего воздуха: иначе бы и не продохнуть, на верстаках температура пятьдесят шесть градусов. И все-таки все рабочие, кроме относчиц, мокрые от пота, точно выкупались.

Относчицы — все больше девочки, чуть постарше Насти, мальчишек почти нет. Девочки хорошо одеты, волосы у всех

завиты и подстрижены. Они ловко подхватывали у мастеров готовый хрусталь, плавно скользили к прокальным печам, бесшумно укладывали в печь стаканы и вазы. И девочки все красивые, все хорошие. Настя куда хуже их выглядит. Настя смотрит на них и вздыхает, девочки с любопытством на нее поглядывают.

— Вот видишь, как они работают? — говорит ей Машина.

— Вижу, — лепечет Настя.

— Вот и ты так будешь работать сейчас, будешь отнощицей. Хитрости тут нет, а осторожность нужна, чтоб не побить посуду. Катя! — крикнул Машина девочке в черном фартучке, стоявшей в стороне.

— Что нужно, дядя Машина? — отозвалась девочка.

— Поди сюда!

Катя вприпрыжку подбежала к нему.

— Вот эта девочка, Настя, работать будет вместо Сизовой. Она будет относить хрусталь от моего стула. Ты ее подучи, она девочка толковая. А я тебе за это как-нибудь вихры надеру, — шутит Машина.

Катя посмотрела на Настю.

— Ладно, дядя Машина, будет все сделано. А вихры мы сами надерем тебе, — смеется Катя.

— Это еще вопрос. Посмотрим, кто кого, — ворчит Машина.

Завыла сирена.

Смена, которая работала, сошла с верстаков, новая смена места заняла. И как только ударил звонок после пятиминутного перерыва, работа началась.

Машина уселся на стул возле своего верстака и сказал:

— Ну, ребятки, давай!

И пошло, и закружилось, завертелось все...

Машина вырабатывал вазы. Работа над вазами самая трудная, сложная. Чтобы мастером такой работы стать, нужно лет двадцать подмастерьем пробыть. Но Машина мастер первоклассный, ему хоть что давай — сделает.

Он сидит на своем деревянном чурбачке с трубкою в зубах, никого будто не видит и ничего не слышит, привычно берет инструменты с верстака, вертит вазу, брызгает на нее водой из ступки, отрезает лишнее ножницами, приделывает ножку, и — ваза готова!

И подручные его ребята ловкие, то и дело подносят мастеру готовые части вазы, передают друг другу: один — колпак, другой — ножку, третий — припайку. Дело за ними не стоит.

Первые вазы Настя брала на вилку робко, руки у нее дрожали: того и гляди, соскочит ваза на каменный пол. Но час от часу ей легче становилось. В печи укладывать вазы Катя научила ее. Настя осмелела, руки дрожать перестали, работа пошла спорей.

И работа стала казаться ей не такой уж трудной, как вначале, она даже с девочками знакомиться начала.

— Ты откуда? — спрашивают ее девочки.

— Из Понизовки, — отвечает им Настя.

— Работать будешь теперь все время?

— Да, а то как же?

И Настя девочкам всем понравилась.

Не заметила Настя, как прошло четыре часа — время работы для подростков. Над ванной ударил звонок, мастера сошли с верстаков, перерыв сделать, чаю попить. Сошел и Машина и прямо к Насте.

— Ну как? — спрашивает.

— Хорошо, дяденька! — отвечает Настя.

— Уморилась здорово?

— Вот ни капельки!

Машина, довольный, ухмыляется и начинает вместе с другими мастерами пить чай.

К Насте подошла новая девочка, посмотрела на нее и сказала:

— Ну, давай вилку мне.

— А я как же? — испугалась Настя.

— А ты домой пойдешь, — говорит девочка, беря у нее вилку.

Настя кинулась к Машине.

— Дядя Прокоп, девочка... вон та, вилку у меня отняла. Говорит: «Домой иди».

— Ну и что ж? И шагай, — спокойно отвечает ей Машина.

— А как же работать?

— Работать на сегодня хватит тебе, ты свои часы отработала. Таким-то, как ты, только четыре часа работать полагается.

У Насти и гора с плеч. Значит, смена ее прошла, вот что! А она-то думала...

— Иди-ка ты домой, скоро и я приду, обедать будем, — говорит Машина, подходя снова к верстаку. — Иди, девонька, иди, отдыхай там.

И Настя пошла домой.

«Отдыхай»... А что ж мне отдыхать, когда я и не уморила-ся? — думает она, шагая к дому Прокопа Машины.

А дома Настю ждала и никак дождаться не могла Люба.

— Ну что? — кричит Люба еще издали. — Работала?

— Да.

— Хорошо? Быстро освоилась?

— А чего ж там? — говорит Настя. — Я сразу все поняла, как только мне Катя показала. Вазы легкие-легкие, одной рукой носила я их. И хитрости тут никакой нет.

— Вот и хорошо, вот и хорошо! — радуется Люба за Настю.

Никогда Настя не подумала бы, что над маленькой рюмочкой, над тонким стаканом чайным — не говоря уж о вазах, кувшинах — столько работы, столько труда! А теперь вот знает. Месяц какой-нибудь работает она на фабрике, а уж каждый цех, уголок почти каждый на всем заводе стал знаком ей. В каждом цехе у нее подруги завелись, всех девочек она узнала, и все ее знают. Как только кончится ее смена, четыре часа, так она и идет навестить подруг. Первым долгом в шлифовальный цех, к Любе и Розе. Люба не каждый день работает, у ней еще главное — учеба в ФЗУ, а Роза Рябинина — она года на два старше Насти — работает ежедневно. Роза кончила школу ФЗУ, она мастером теперь считается.

Шлифовальный цех не то что гутенский. В гутенском больше мужчины: мальчишки, девочки только на откосе. В шлифовальном же почти одни женщины да девочки, мастеров-мужчин совсем мало.

В гутенском цеху — жара и духота, пыль и копоть. А в шлифовальном, наоборот, иной раз чересчур даже прохладно. В гутенском цеху разговор и шутки, а то и песни иной раз, разноцветный, расплавленный хрусталь мелькает в воздухе там и тут, точно бабочки весной на лугу в ясную погоду. В шлифовальном же горы готовых кувшинов, ваз, вагонеток чайных стаканов, рюмок, цветников, корзин, колпаков для ламп электрических. Разговоров и шуток тут не услышишь, все сосредоточены, зато визгу и стону хоть отбавляй.

Визжат и стонут корундовые и карборундовые колеса и круги, шлифуя и полируя посуду, впиваясь в хрусталь, прорезая в нем сверкающие грани. Одно колесо стонет, другое визжит и хохочет точно сумасшедшее, третье поет тоненько, как комар над ухом, четвертое гудит, как пчела в улье. И над каждым колесом и кругом трубка водопроводная, из трубок

капает вода, словно слезы, капля за каплей, чтоб колеса, круги и хрусталь охлаждались, чтоб посуда не лопалась. И у каждого колеса и круга, склонившись, мастера алмазной грани и шлифовщики сидят и строго вычерченные грани наносят на изделия, придают им красоту и блеск.

В чанах с водою и песком вертятся деревянные круги, около них хлопочут женщины и девушки, обтачивают дно у стаканов. В отопочной машине синий огонь лижет края стаканов, стаканы ходят по кругу, точно хоровод водят, это заправка края идет.

Цех шлифовальный не меньше гутенского цеха. Работает тут человек пятьсот, и никто никому не мешает. Много рук пройдет стакан или кувшин, пока в упаковочную попадет, где его бережно в солону или в стружку закутают и в ящик уложат.

Поговорив с Любой, с Розой, Настя идет в упаковочную. В упаковочной тоже одни девушки работают. Тут песни и смех за работой, как и в гутенском. В упаковочной у Насти подруга Соня. Соня недавно переведена в выставочное отделение, тут же в упаковочной, только на втором этаже.

В этом отделении Настя согласилась бы жить день и ночь, всю жизнь — так тут хорошо. Большой зал, светлый, высокий, и длинные-длинные полки у стен и посредине. А на полках хрусталь, за сто лет собранный.

Сколько раз была тут Настя, а все наглядеться не может на хрустальные горки. Как тут красиво!

Соня недаром сюда переведена. Она тут хозяйкой, она все знает, и хрусталь она понимает, любит. Строгий учет ведется у нее выставочной посуде. Когда приходят экскурсии, она объяснения дает. И Насте она охотно все рассказывает, показывает.

— Соня, что это? — спрашивает Настя.

— Это банки для крошона. Теперь их не делают. Это богачи прежде покупали такие, — объясняет Соня.

— А это?

— А это сервизы для вин из венецианского хрусталя.

Тоже раньше вырабатывались для богачей. Они вина пили много, денег у них хватало, Настенька, они умели деньги выколачивать из нашего брата, — поучает Настю Соня.

Настя смотрит на тончайший, нежный, перламутровый хрусталь, венецианский, на табун бокалов, обступивших графин тонкой шлифовки, и диву дается. Надо же такую красоту создать!

— А ты знаешь, сколько стоит такой сервиз? — спрашивает Соня у Насти.

— Нет.

— Сто сорок три рубля семьдесят пять копеек.

Настя в ужасе таращит глаза. Сто сорок три рубля за одни бокалы для вина? Нужно ж деньги шальные, даровые иметь, чтобы платить столько за бокалы!

— Это еще что! Вот видишь эту вазу? — спрашивает Соня.

— Вижу, — смотрит Настя на широкую вазу без ножки.

— Это у богачей для торта и пирожных такие имелись. Цена ей одной без малого сто рублей, — говорит Соня. — Потому она такая дорогая, что сложная грань на ней нанесена, над ней мастер больше месяца работал. А к тому же она сделана из так называемого английского тяжелого хрусталя, в котором на сто частей песку шестьдесят частей окиси свинца находится. Самый что ни на есть дорогой хрусталь вот этот самый.

Соня переворачивает вазу кверху дном и показывает Насти алмазную грань. Грани вазы сверкают, точно огромный бриллиант, кажется, что вся она из драгоценного камня сделана.

— У них все было, Настя, на все хватало. У бывшего хозяина этого завода, генерала Мальцева, было семьдесят фабрик и заводов, тысяч пятьдесят рабочих работало на него. Свыше ста тысяч десятин земли принадлежало ему, на которых росли дремучие леса. Таким людям можно было все покупать. Подсвечник тот, видишь, в углу? Это самая дорогая вещь у нас тут, ему цена девятьсот рублей.

Настя смотрит на громадный подсвечник, трехслойный, или, как называют такие изделия, из трех хрусталей: белого — глухого, красного и желто-канареечного. Подсвечник весь граненый, но неуклюжий, некрасивый, он Насте не нравится.

— А мне он не нравится, — говорит она Соне.

— Тебе не нравится, а попам нравился, они для церквей всегда такие старались заполучить. Подсвечники, лампы, чаши для святых даров, образа запрестольные. Самый большой доход Мальцеву был от церквей и монастырей. Они главные покупатели у него были, церкви, да еще кабаки с ресторанами.

Но вот что больше всего всегда привлекало Настю тут, так это раздел цветного стекла. Она часами могла смотреть на изделия из золотого и медного рубина, отливающие розовым, нежно-красным, словно в них горели вечные огоньки. И особенно хрусталь, который назывался «цвет голубиной крови». Хороши были изделия и из синего кобальтового стекла, из нежно-зеленого изумрудного да и другие разных цветов и оттенков, но рубин, рубин всегда ее очаровывал, он прямо-таки полонил ее! Когда она смотрела на него, ей казалось, что она находится не на земле, а на небе.

И еще ей нравился тут простой, так называемый расписной хрусталь. Под роспись шли изделия самого дешевого стекла, иногда даже с брачком, а вот поди ж ты, Настя и с него глаз не сводила. Ей и расписная посуда казалась чудо как хороша.

— Соня, эти всего лучше, — сказала как-то Настя новой подружке своей. — Мне расписная посуда лучше всего нравится. Это, знать, потому, что я сама рисовать люблю.

— Ты умеешь рисовать? — удивилась Соня.

— Так, чуть-чуть, — смутилась Настя.

— Тогда ты старайся в живописное отделение попасть, чтоб мастером-живописцем со временем стать, — сказала ей Соня.

Настя рисовала еще в деревне, когда в школу ходила.

В Понизовке был один парень, он учился в школе вместе с Настею. Вася Голубев. Он очень хорошо рисовал. Учительница говорила, что он художником будет. И он на самом деле потом уехал учиться в Москву. Все ребята в школе, глядя на Васю Голубева, рисовать начали, Настя тоже. Бумаги они изводили много, а толку было мало. Только у Насти одной кое-что получалось, ее учительница тоже хвалила.

Живописное отделение находилось при гелиоширном цехе, там для мастеров-живописцев была предоставлена одна большая светлая комната. Настя иногда заглядывала и туда. Она с интересом смотрела, как живописцы размешивают на скипидаре краски свои и расписывают ими кувшины, графины, вазы, а иногда и чайные стаканы. Она уже разузнала от Сони, что краски для такой росписи не простые, а силикатные, огнеупорные, и делаются они из истолченного в мелкий порошок цветного стекла, и что мастер-живописец должен чувствовать, каким слоем накладывать краски, чтоб они потом в печах отжига красиво выглядели. Они совсем-совсем по-другому будут выглядеть потом, нежели тогда, когда ими еще только расписывают изделия. Вот в этом-то секрет весь, вот это-то каждый мастер должен знать и предвидеть.

Насте живописцы казались особенными людьми, прямо волшебниками какими-то. Она боялась подходить к ним близко, издали только глядела, как они расписывают посуду тоненькими кисточками. И вздыхала: умеют же люди рисовать так хорошо!

IX

НАСТЯ И ЛЮБА ГУЛЯЮТ С МАШИНОЙ В ПАРКЕ И СМОТРЯТ СПЕКТАКЛЬ В КЛУБЕ

Дятьково — красивый город. Уютные домики почти все в зелени. Кругом бор дремучий, в бору сосны высокие. Недалеком заводчик знаменитый, сам генерал Мальцев, почти всю жизнь прожил тут. Дворец его в парке возле пруда стоял,

теперь он развалился, одни каменные крылья — флигеля остались.

В Дятькове раньше правление заводов находилось, дом трехэтажный занимало, теперь в этом доме райисполком.

И, конечно, самое красивое место в городе — парк! Кто бы и когда бы ни приезжал в Дятьково, всяк любовался парком и прудом. Пруд раньше назывался «Барской речкой», он отделяет парк от территории завода и тянется чуть не на версту. А в парке не только липы, но и дубы, и клены, и даже две еловые аллеи есть.

И летний театр в парке есть, он построен уже после революции.

А каменное здание клуба стоит на главной аллее, как идти

к бывшей генеральской усадьбе. Раньше в парке гулял только сам генерал да его приближенные — челядь домашняя, управляющие, бухгалтера да конторщики, инженеры да лесничие. И в клуб ходить имели право только они; из рабочих туда могли пройти только самые видные мастера, которые побольше зарабатывали.

Теперь же другое дело: теперь парк и клуб для всех хрустальщиков, теперь в парке хозяева главным образом молодежь.

Вот и сегодня в парке молодежь гуляет.

И Настя с Любою и Машиною тут же находятся.

Настю не узнать теперь отцу родному, такая она стала. Прямо городская девушка, точно и родилась она тут. Платье точь-в-точь такое же, как и у Любы, из одной материи пошили им, туфли одинаковые, волосы так же острижены и завиты, как у той, так и у другой, гребешки белые в волосах воткнуты, тоже одинаковые.

Машина смотрит на них и ухмыляется: точно две сестры!

И Машина принарядился. На нем костюм серый в клеточку, на голове кепка праздничная, на шее галстук розовый. А в зубах все та же трубка хрустальная, прокопченная, на янтаре похожая. Он каждый раз сопровождает в парк и в клуб «дочурок своих», он теперь и Настю за дочь родную считает. Он охраняет их, боится, как бы к ним какой хулиганишка не пристал, девчонки-то уже вон какие стали. А так бы, сам по себе, он не стал каждый раз сюда ходить, не молодецкий ведь, ему бы в пору дома отдохнуть. Настя с Любою под руки его ведут, словно кавалера какого.

Сегодня день особенный: закрытие парка и последний спектакль в легком театре, который дают московские артисты. И Машина нет-нет да и схватится за боковой карман, целы ли билеты.

Осень пришла. И деревья в парке — клены, дубы, вязы и ясени — порозовели, позолотели, малиновыми стали. И липы столетние роняют листву наземь и в пруд, и над прудом туман белесый, холодный.

Люба с Настей ежатся.

— Что? Говорил ведь я вам — пальто надевайте, головы покройте. Не послушали, теперь вот и корежитесь от холода, точно поросята паршивые, — говорит Машина дочуркам своим.

— Не замерзнем, с нами ведь Паровоз. А от паровоза всегда ведь тепло, — отвечает Люба, прижимаясь к отцу.

— То-то, Паровоз! Паровоз вас обогревать должен... Ах, братцы, братцы, и когда только вы совсем умные станете, — ворчит ласково Машина.

— Мы не дуры и сейчас. Почему мы не надели пальто? Потому что последний вечер в парке гуляем, целых полгода потом в пальто ходить, зима-то длинна. И рад будешь пойти без пальто, а нельзя будет: пойдут дожди, морозы, снег.

— А сейчас теплынь, прямо сил нет! Я тоже зря пиджак надел, в одной рубашке куда бы удобней...

— Да хватит тебе ворчать-то, Паровоз ты этакий, — говорит Люба отцу. — Что ты распыхтелся, не даешь музыку послушать?

А музыка гудит и гудит, марш за маршем, вальс за вальсом. Лампочки электрические в листе лип горят, точно светлячки огромные. Все молодое Дятково в парке гуляет. Шум приглушенный от шагов, разговор вполголоса, смех задорный.

Настя улыбается. У нее на душе очень радостно и весело! И музыка хороша, и народу много. Все, все хорошо, а самое хорошее для нее впереди — спектакль.

За все это время Настя видела спектаклей пять, а то все некогда и денег маловато. Если бы не дядя Машина, совсем бы не ходила. Машина всегда билеты им с Любою покупает, Машина водит их в парк, в кино и на спектакли. Билеты хоть и дешевые, а все ж нужны деньги. Настя же получила всего три получки, рублей по двадцать в месяц ей пришлось. Много ли на это разгуляешься?

А тут и одеться надо: платья, туфли праздничные, туфли рабочие, то да другое, — на спектакли-то и ни копейки. На-

стя знает, что даже за хлеб и обеды она должна Машине с Любою, знает, что Машина и к платьям ее своих денег добавил, и ей стыдно оттого. Сказать о том хотела Машине, но он ведь рассердится. И она пока помалкивает, все равно ей нечем с ним рассчитаться сейчас. Но вот после она ему обязательно все отдаст, все, все до копеечки.

И Любе отдаст, Любе она тоже должна. Сколько Люба ей платьев своих давала носить, рубашек, туфель, так и не перечесть! А одни ботинки Любины Настя в пух разбила, работая на заводе. Нет, всего этого Настя никогда не забудет, ей Машина с Любою дороже отца и матери родных стали, без них она совсем бы, наверно, пропала, не знала бы, как ей и на свете прожить.

А того она и не знала, что и сама она Прокопу Машине и Любе родная стала. Прокоп Машина полюбил Настю за то, что она тихая, умная, а больше всего за Стрекозу, Макарку и голубей. Люба не очень-то охоча до питомцев отцовых, а Настя чуть не с первого дня подружилась с ними. На что уж петух Макарка злой и озорной, клевать было Настю на первых порах вздумал, а теперь как завидит Настю, так и летит к ней на плечо.

— Умственная девочка, скотину понимает и любит.

Машина гордился тем, что Настю на дорогу вывел. Пропасть бы девочка могла совсем, если бы он не взялся за нее как следует.

А Люба удивляется: как это она раньше без Насти жила? С Настей они теперь всегда вместе: обед готовят, обедают, чай кипятят, чай пьют, разговаривают и спят. Только вот в ФЗУ они не учатся вместе, такая досада!

Умолк оркестр, не гудит музыка духовая. Невидимый звонок трещит где-то долго-долго, двери летнего театра раскрываются. И все хлынули к дверям.

— Подождите, не торопитесь, нечего друг друга с ног сбивать, — говорит Машина Любе и Насте. — Раз у тебя билеты есть, на билете твое место указано, то никто его занять не может.

Летний театр в Дятькове лучше всех театров в округе. Ни в Бытоши, ни в Ивоте, ни в Стари нет такого. Большой, просторный, на пятьсот мест, при нем и буфет даже имеется.

Машина задержался у буфета, купил три шоколадки, по гривеннику штука, спрятал их в карман. Бойкая Люба сразу отыскала свои места.

Настя не знает, куда ей смотреть: на занавес ли расписной, на подруг ли в зрительном зале? Вон Соня кивает ей, улыбается, вон Роза Рябинина, а там весь ряд заняли упаковщицы, они и в театре всегда вместе. И все принарядились, все улыбаются.

И вот занавес взвился...

Настя не дышит, она слышит, как стучит ее сердце: тук, тук, тук!

Ах, какие декорации на сцене, прямо глаз отвести нельзя! Справа домик с крыльцом и палисадником, в палисаднике цветы. А вдаль горы, на горах снег белый, с гор ручьи бегут.

И пропало все — нет ни Дятькова, ни Любы, ни Машины...

В невиданном краю витает Настя. На сцене она с актерами, каждое слово точно ею говорится; она смеется и плачет вместе с героями пьесы...

Занавес опускается. Настя хлопает, Люба хлопает, весь зал трещит от рукоплесканий, всем нравится пьеса, игра московских актеров.

Актеры выходят и кланяются.

— Хорошо? — спрашивает Люба Настю.

— Очень хорошо! — отвечает Настя.

А Машина достает из кармана одну шоколадку и начинает есть, точно девочек и нет с ним. Он даже не смотрит на них.

— Настя, ты видишь?! — шепчет Люба Насте.

— Вижу.

— Ах бессовестный, точно маленький — шоколад ест!

— Вы, большие, не ешьте, а я старенький, старенький же что маленький. Люблю сладенького пожевать!

Люба лезет к нему в карман, Машина шутиливо отбивается.

Люба тащит две шоколадки: одну Насте, другую себе.

— Ну, это прямо разбой, человека ограбили, — пыхтит Машина.

А шоколадки так и тают во рту Насти и Любы.

А когда кончился спектакль, они вместе со всеми идут домой. Машина катит впереди, пыхтя трубкой своей, а Люба с Настею шагают за ним; они идут под руку, они всегда так теперь ходят, когда вместе идут.

Дома они ужинают и ложатся спать.

И Насте снятся хорошие, чудесные сны.

Х

НАСТЯ ПОМОГАЕТ ЛЮБЕ И РИСУЕТ МАКАРКУ И СТРЕКОЗУ С ГОЛУБЬЯМИ

В школе ФЗУ изучали физику, химию, технологию стекла, математику, русский язык, обществоведение и политграмоту, рисование и черчение. Химия с технологией, рисование и черчение самыми главными предметами считались. А вот непоседа Люба рисовать-то и не любила, черчение у ней тоже плохо шло. Первая на практике по шлифовке хрустала была Люба, последняя в классе своем по черчению и рисованию.

И вдруг переменилось все сразу: Любины работы все лучше и лучше становились, Люба стала хорошо рисовать.

Василий Иванович, учитель черчения и рисования, показывал Любины работы всем ученикам, школьному совету и везде говорил:

— Удивительное дело! Люба Синюкова, дочь Прокопа Машины, рисовать начала хорошо. Особенно хорошо получают у ней работы на дому, прямо залюбуешься. Смотрите, смотрите, какая тонкость, какая красота! Прямо чудо какое-то с нею произошло.

Люба скромно помалкивала...

А чуда-то никакого и не было, все было проще простого, только учитель об этом не знал. Знал бы он, в чем тут закона вся, он не только перестал бы удивляться и восхищаться, а рассердился бы ужасно на Любу.

Началось все это вот как...

Как-то копировала Люба дома рисунок для росписи вазы, а Настя сидела тут же и читала книгу. Рисунок попался хитрый, сложный, Люба никак не может совладать с ним. Она испортила три листа бумаги, а толку нет как нет.

— Терпеть я не могу рисование это! — швырнула Люба тетрадь. — Ну, ты подумай, Настя, зачем оно мне, это рисование? Я буду мастером алмазной грани, а не живописцем, мне будут давать готовый рисунок, и все. Зачем же меня мучить рисованием этим? Вот черчение еще, это я согласна, оно нужно для алмазчика, тут можно и попыхтеть. А рисовать я не могу, хоть убей ты меня! Не могу и не люблю. А они пристают, говорят, что рисовать нужно уметь каждому мастеру обязательно!

— Дай-ка я попробую, — говорит Настя.

Настя взяла Любин карандаш, новенький, тонко отточенный, тетрадку брошенную и начала рисовать.

Люба уткнулась в учебник химии, заучивала формулы.

Машины дома не было, он ушел на заседание.

Настя — не Люба, она не торопливая. Внимательно рассмотрела она образец рисунка, подумала и начала выводить линию за линией.

Проходит час, другой, Люба заучила формулы.

— Ну как? Трудно? — спрашивает она Настю.

— Нет, не очень, — отвечает Настя.

Люба глянула и обомлела.

Чистый, отчетливый рисунок на листе тетради, точь-в-точь такой же, что и в учебнике напечатан, даже, кажется, еще лучше.

— Настя! — кричит Люба.

— Что?

— Да ведь ты замечательно рисуешь!

— Нет, я так, чуть-чуть, — говорит Настя.

Люба кинулась к ней на шею, чуть не задушила.

— Ну какая же ты! И не сказала, а? Кто тебя выучил рисовать так, где ты училась?

— Это я от нечего делать иной раз балуюсь. У нас в школе мальчик один хорошо рисовал, вот и я, на него глядя, тоже начала.

И с этого дня Любины рисунки все лучше и лучше становились.

Что бы ни задал на дом ученикам Василий Иванович — у Любы лучше всех. Нина Смирнова раньше была первая по рисованию, теперь на втором месте очутилась.

— Замечательно, Синюкова, прекрасно! — восхищается каждый раз Василий Иванович.

А Люба каждый раз помалкивает и помалкивает.

Настя рада-радехонька хоть чем-нибудь Любе помочь, хоть немножко услужить подруге любимой. Раз она свою деревню, Понизовку, по памяти нарисовала акварелью и Любе подарила. А для Машины собаку Стрекозу и петуха Макарку с курами и голубями нарисовала, любимцев его. Машина не меньше Любы обрадовался, подарил Насте за рисунки коробку конфет. Конечно, он знал, что есть-то конфеты Настя будет вместе с Любою.

Все были довольны: и Машина, и Люба, и Настя.

И никто из них не знал, что скоро у них будет из-за этих Настиных рисунков неприятность, беда.

А беда к ним уже подкрадывалась...

XI

ВСЕ СОРЕВНУЮТСЯ: И ЗАВОДЫ И ШКОЛЫ

На заводе рабочие повели между собой социалистическое соревнование. Цех вызвал цех, бригада — бригаду, контора — контору. А весь завод вызвал на соревнование другой за-

вод, «Гусь-Хрустальный». Все решили работать лучше, цену хрусталя удешевить. Всем хотелось быть не последними, лицом в грязь не ударить, на почетную красную доску попасть.

В школе ФЗУ, где Люба училась, тоже соревнование началось. Учителя созвали совещание, ученики — собрание. И решили: вызвать школу-девятилетку на соревнование и у себя, внутри школы, между группами соревнование провести. А учителя порешили меж собой соревноваться, кто лучше предмет свой преподает. Петр Иванович, химик, вызвал Сергея Павловича, физика; обществовед Волков, Гавриил Яковлевич, вызвал технолога Евгения Максимовича; преподаватель русского языка Прокопов — Василия Ивановича, художника.

И пошло, и пошло!

Учителя волновались, составляли проекты, подбирали материал, вели каждый свою линию.

— Химия — основа хрустальной и стекольной промышленности, ее надо вам знать как пять пальцев своих, — ратовал химик Петр Иванович на уроках своих.

— Политграмота, ребята, великое орудие в руках рабочего, — говорил своим ученикам обществовед Гавриил Яковлевич.

— Без знания родного языка не может человек грамотным называться. Приналягте на изучение его, товарищи! У всех вас слабовато с языком, — убеждал Прокопов.

— Физика — сила, а сила — индустрия, промышленность, социализм, — толковал ребятам Сергей Павлович.

А технолог говорил, что каждый квалифицированный рабочий должен знать, с чем имеет дело, каковы свойства того материала, над каким он работает.

— Только зная хорошо все особенности того материала, с которым работаешь, можешь добиться хороших результатов, — доказывал он питомцам своим.

— Что такое хрусталь, товарищи? — спрашивал учитель рисования и черчения Василий Иванович.

И сам же отвечал:

— Хрусталь есть стекло высшего сорта, из него делается посуда. Какая? Красивая, изящная. Почему нужна людям красивая посуда? А потому, что у человека есть потребность к красивому, прекрасному. Это ему необходимо, это создает радость в жизни. Мы все любим приодеться получше, украсить наше жилище, даже стол. И если это в наших руках, если мы сами можем это сделать, то и будем делать. Когда-то только богач мог иметь хрустальную посуду, а теперь всякий рабочий, крестьянин покупать ее может. Клубы, учреждения, театры требуют граненого хрусталя, подороже. А как же делать грань, как шлифовать, не зная черчения? Потому я и говорю вам: давайте изучать черчение! Отдельный покупатель, рабочий и крестьянин, требует цветного хрусталя, расписного, подешевле. А потому мой призыв — учитесь рисовать! Нашему заводу нужны мастера-живописцы по хрусталию, крайне нужны, нам много надо подготовить их.

И отдельно говорил Василий Иванович с Ниной Смирновой и Любой.

— Слушайте, девочки, вы моя опора. Будет у нас организована выставка, лучшие работы получают премию, поэтому вы смотрите не подведите меня.

— А что делать-то нам? — испугалась Люба.

— Я тогда скажу. Я подумаю, а пока рисуйте вот это. Не спеша, исподволь. Я вас не тороплю, только сделайте все как следует.

И Василий Иванович дал им штук по десять сложных рисунков для копирования.

И еще сказал вдобавок:

— А если вы сами придумаете по хорошему рисуночку, то будет еще лучше, просто замечательно будет.

— Ну, Настя, я пропала, — говорит Люба, придя домой.

— А что случилось-то? — испугалась Настя.

— Вот смотри, — подает ей Люба охапку рисунков.

Настя перебирает их, смотрит и ничего понять не может.

— Хорошие какие рисунки, Люба! — сказала Настя, разглядывая рисунки.

— Гадкие, постылые! Все горе мне от них! — кричит Люба, чуть не плача. — Ты знаешь, ведь он думает, что это я так стала хорошо рисовать.

— Кто думает? — не поняла Настя.

— Да он, Василий Иванович, учитель наш по рисованию и черчению.

— Ну и пусть думает, что за беда? Лишь бы не догадывался он, — пробует утешать подружку Настя.

— А это не беда? Ведь всю эту охапку он дал мне для работы! У нас сейчас соревнование идет. Все учителя точно взбесились. Каждый хочет, чтобы его предмет мы лучше всего знали. И вот этот противный Василий Иванович говорит мне и Нине Смирновой — она тоже рисует хорошо, как и ты, — что он на нас только и надеется. Будет выставка наших работ, и мы должны подтянуться, чтобы премию получить. Вот видишь, какой охапкой рисунков нагрузил он нас? И все это надо скопировать! Да еще добавил, что будет неплохо, если мы сами что-нибудь свое придумаем. Нет, я пропала, пропала окончательно! Одно мое спасение — сказать ему правду всю. Но это будет такой позор! Меня за это из школы выгонят! — плачет Люба.

— Ты и не говори, Люба, и не говори, — говорит ей Настя.

— А как же быть? Все равно он теперь узнает!

Настя задумалась.

— Люба, он не узнает. Я все это сделаю за тебя, он и не узнает, — говорит она Любе.

— Сделаешь?

— Сделаю.

— Все-все?

— Ну да. Правда, он много задал тебе работы, ну да как-нибудь справлюсь.

— Настя, ежели только ты поможешь мне сейчас вылезти из этого вороха, то я и не знаю, что и сделать мне тогда для тебя! — вскрикнула Люба радостно.

— Ты и папка твой и так для меня много добра сделали,

я у вас в неоплатном долгу. Ничего ты мне больше не делай, а только молчи, не говори больше об этом.

И Настя начала работать.

XII

МАШИНА ТОЖЕ СОРЕВНУЕТСЯ

А на заводе свои дела шли, там свои волнения у людей. Прокоп Машина, до того всегда спокойный, тоже взволновался. Он перестал храпеть во все тяжкие по ночам, ворочался, вздыхал даже, трубку из рук не выпускал, все думал.

Машина хорошо понимал, что такое социалистическое соревнование. И вот он обдумывал, как его надо вести.

«Торопиться тут не следует, нужно делать все с толком», — думает он, пыхтя трубкой.

На себя и на своих ребят он надеется, об этом беспокоиться нечего. Они в последних не будут в своем цеху и на заводе. А вот как другие? Надо, чтоб все, как один, взялись. Чтобы весь завод не отстал от «Гусь-Хрустального»!

«Начать надо с тех, которые самую простую работу делают, топливо засыпают в генераторные трубы. Чем сильнее будет гореть огонь в ванне и горшковых печах, тем лучше будет плавиться хрусталь... Потом взяться за составную. Заведующий составной и инженер-химик поменьше должны сидеть в своих кабинетах, а строго следить за составом шихты для хрусталя. А то там ребята такие, что им все равно, сколько в шихту засыпать мела, песку, сколько соды, лишь бы мало-мало подходяще, на глазок иногда делают. А этого быть не должно, нужно, чтобы по норме все было...

Мастера тоже должны понять, все, как один, что дело не в спешке только. Поспешишь — людей насмешишь. Нароботаешь много, а цена сработанному грош будет. Нужно, чтобы каждый стакан, кувшин каждый был без сучка и задоринки, первого сорта!..

И подсобная сила, каждый мальчонка, каждая девочка,

поняли бы, что и их работа важная, что относиться к ней надо как следует, по-серьезному, а не как-нибудь, шать-вать-перевать...

А больше всего нужно глядеть в оба директору со своими помощниками-инженерами. Они должны за всем наблюдать строго, с них самый главный спрос, раз они главные начальники, раз им руководство доверено».

И что думал Машина ночами, то днем высказывал на собраниях, заседаниях, а то и просто так говорил, в беседе с кем-нибудь, в кругу товарищей. Даже Настю с Любой экзаменовал, внушал им свою точку зрения.

— Ты, Настя, смотри,— говорил он Насте,— не подкачай!

— Я и то смотрю, дядя Прокоп,— отвечает Настя.

— То-то же. Потому это оно, на первый взгляд, будто и простая твоя работа: относи да относи посуду в печь. Но нет, тут, брат Настя, тоже вопрос, да! Как относить? Отнести можно и спустя рукава, хи-хи да ха-ха с подругами. А мастер сделал, скажем, посудину, ты замешкаешь, минута,мотришь, и пролетела. А минута в нашем деле не шуточка, в ней шестьдесят секунд имеется. Ну-ка, посчитай, чего это стоить будет, ежели из-за тебя, скажем, пять минут мастер со всей бригадой за смену потеряет, а другой мастер тоже из-за своей отностицы? Это, брат Настя, пахнет убытком большим. А по-моему, работа твоя нетрудная, только не зевай, смотри в оба.

— Я, дяденька, и то не зеваю.

— То-то же, смотри сама. Ты и другим девочкам так скажи, чтоб и они не зевали. А то у вас есть такие, больно уж хохотать на работе охочи. Так ты и им скажи, моими словами, что это не работа, ежели хи-хи да ха-ха!

Но Насте не до смеха теперь даже дома. Ведь ей надо было помогать подружке своей. Учитель Василий Иванович в самом деле задал работку Любе. Настя рассмотрела, что рисунки эти трудные, она никогда таких не видала. Правда, они очень хороши, очень красивы, но как же их трудно рисовать!

И как только придет она с работы, так сейчас же за карандаш. Сделает один рисунок, за другой берется, не удастся иной сразу, переделывать нужно. И так целую неделю!

И Любе своей Машина ту же песню пел.

— Смотри, Коза, смотри у меня, не осрамись! Рисовать ты стала хорошо, не теряй своего классу. Чтоб у тебя не только рисование, а и остальное было на уровне, чтоб ты в последних не была. Я на тебя надеюсь.

— Да отстань же ты от меня, Паровоз ты этакий! Мне и без тебя тошно! — отвечала ему Люба в сердцах.

— Тошно? Это почему же тебе тошно, а? — спрашивает Машина.

— Отстань, говорю!

Машина видит, что Люба чем-то расстроена, перестал приставать к ней со своими советами. «Да, да, у каждого свои заботы, не надо ее сейчас расстраивать», — решил он.

А Любе и на самом деле было не легко. Ведь у ней, помимо этих рисунков, сколько предметов было! Она хваталась то за химию, то за технологию, то за русский язык, то за политграмоту.

— Я, Настя, умру скоро, — говорит она подружке своей.

— Отчего? — испугалась Настя.

— От работы. У меня прямо голова кругом идет, я сроду так не работала над уроками.

— А ты полегче, не очень-то налегай.

— Да, полегче! Нельзя мне полегче, потому что у меня

вон их сколько, уроков этих. Я, правда, раньше немножко ленилась, все отводила, вот теперь и приходится гнать. А ежели бы я не запускала раньше уроки, то сейчас мне, хоть какое соревнование будь, торопиться было бы нечего, все у меня было бы хорошо, — призналась Люба.

— Да, это ты зря так запустила все, — вздыхает Настя.

И подружки старались вовсю, сидели за Любиными уроками до полуночи. Настя старалась помочь подруге не только в рисовании, а во всем, где могла.

Машина же, занятый своими делами на заводе, не замечал и не видел ничего: он и не знал, как трудно его дочуркам, родной и приемной.

ХІІІ

НА ПЕРВОМ МЕСТЕ МАШИНА ПРОКОП!

И вот прошел первый месяц соревнования, подвели итоги.

И Прокоп Машина пошел гоголем по заводу, по поселку. Ну как же? Его цех, гутенский, на первом месте во всем заводе оказался. А в цеху он, Машина, со своей бригадой, первый. В стенной газете об этом большую статью написали и даже портрет-карикатуру поместили. Нарисовали его в виде паровоза, с трубкой в зубах, ноги колесом, а под рисунком подпись:

Курьерский паровоз № 1 — Прокоп Машина.

А за паровозом на платформах весь гутенский цех. Другие цеха ехали кто на чем: шлифовальный на тройке, гелиоширный на автомобиле, составной на велосипеде. Каждый занял то место, которое заслужил.

«Да, вот оно, дело-то, как показывает», — думает Машина радостно.

— Ну, ребятки, смотрите, так и держись теперь всегда, — говорит Машина мастерам-гутенцам в бригаде своей.

Только теперь, когда наладилась работа в цехе, когда по-

шло соревнование полным ходом, вспомнил он о своих дочурках, начал шутить с ними.

Но дочурки ходили невеселые, задумчивые, на шутки его почему-то не отвечали.

— Это как же я понимать-то должен, а? — спрашивает Машина.

— А как хочешь, так и понимай, не до тебя нам сейчас, — ответила Люба.

«Нет, нет, тут что-то у них не так, — думает Машина. — Или они поругались, или их обидел кто какую».

А настоящей причины плохого настроения у подружек он не знал да и знать пока не мог. Правда, Люба не раз намеревалась рассказать отцу все, но каждый раз останавливалась: у ней язык не повертывался признаться ему, — стыдно было. Ведь он хорош-то хорош, а обмана и жульничества никому не простит.

У Любы же дела еще хуже стали, чем были. Позавчера она отнесла работу свою, вернее, Настину учителю Василию Ивановичу, и тот был просто поражен.

— Синюкова! Это невероятно! Ты все сделала? Нет, мне просто не верится, что ты одна это сделала. Тебе кто-то помогал, — сказал Василий Иванович, разглядывая рисунки. — Нина Смирнова и половины того не сделала, что ты. Это прямо изумительно!

А Люба стояла ни жива и ни мертва.

— Нет, это я пошутил, — начал успокаивать ее Василий Иванович. — Кому ж тебе помогать? Отец твой и карандашато в руки не берет. Он хороший мастер, а рисовальщик никудышный, да ему и не нужно это. Но ты только пойми, Синюкова, как хорошо все это нарисовано! Ты скоро лучше меня начнешь рисовать, — продолжал он восхищаться, любуясь рисунками.

А Любе хоть провалиться сквозь землю, не смотреть в глаза учителю.

— Ну, Синюкова, решено: я отдаю тебе вазу! — кричит Василий Иванович,

— Какую вазу, Василий Иванович? — лепечет Люба, еле живая.

— Хрустальную, какую же еще? Смирновой я дам кувшин, а тебе вазу. С вазой Смирнова не сделает того, что нужно, а ты справишься.

— А что делать с нею нужно? — замирает Люба.

— Расписать, вот что! Я уже говорил, что сейчас у нас большой спрос на расписной хрусталь, так вот ты и распишешь вазу. Я выдам тебе краски, смешивать их на скипидаре будешь, и ты распишешь ее. Первый приз за тобою, я в этом уверен.

— Василий Иванович, отдайте ее Смирновой, — просит Люба. — У меня болит голова, у меня не кончено еще с химией, физикой...

— И слышать не хочу, и слышать не хочу! Твое место в живописи, Синюкова. А с химиком и физиком я поговорю. Они не будут отрывать тебя от того, к чему у тебя способности огромные, — от живописи. Я этот вопрос и на заседании школьного совета поставлю. Нет, вазу расписываешь ты. Дело в том, Синюкова, что до сих пор нет еще ваз, удачно расписанных, а кувшины есть. Кувшины давно уже расписываются, а вазу — о, вазу! — не так-то легко расписать! И главное, нет образцов хороших. Я дам тебе для ознакомления и рисунки старинных ваз, но они для теперешнего потребителя не подходят, они устарели. И вот ты сама придумай сюжет для росписи, от старого ты оттолкнешься только.

— Василий Иванович, я не могу, у меня ничего не выйдет!

— Выйдет, выйдет, я тебе говорю. Ты просто своих сил не знаешь. Ты подумай хорошенько и катай. Я буду помогать тебе, будем вместе работать.

Пол зашатался под ногами у Любы, перед глазами туман, круги, огоньки какие-то, она еле прошептала:

— Ладно, Василий Иванович, я попробую. Но только я одна, без вас...

— Тем лучше, тем лучше! Срок тебе целый месяц, ты

вполне справишься, главное — не робей. Неудачно — смывай долой, снова начинай, только не торопись. Ты ведь непоседа ужасная, а живопись терпения требует.

И Василий Иванович выдал Любе краски, флакон скипидару, кисточки специальные и чистую, как вода горного ключа, тонкой отделки вазу.

XIV

НАСТЯ ОПЯТЬ ВЫРУЧАЕТ ЛЮБУ

— Ну, Настя, вот теперь уж я пропала окончательно, — говорит Люба Насте, придя домой.

— Узнали? Выгнали из школы? — бледнеет Настя.

— Хуже.

— А что? Что?

— Он мне дал вазу для росписи, вот что...

И Люба развернула тонкую папиросную бумагу, в которой была упакована ваза.

Ваза и без всякой росписи была хороша, только любоваться бы на нее. В другой раз Настя и любовалась бы, но теперь...

Теперь и она с ужасом смотрела на вазу, ведь ее нужно расписать! А рисовать на вазе, выпуклой, круглой, совсем не то, что на ровненьком листе бумаги, тут совсем, совсем другое нужно, иной подход.

— Да, Люба, этого и я не умею, — тихо говорит Настя.

— Я так и знала, я отказывалась...

— Но ведь это же стекло, Люба, а не бумага! Притом же скипидар, краски эти, — шепчет Настя. — Как их разводить и смешивать, ума не приложу.

— Это что! Краски-то я знаю, как разводить, этому нас учили. И как на стекле рисовать, знаю, но я не могу. А самое главное, нужно самой придумать, что нарисовать на ней, вот горе-то мое где, Настя! Эти проклятые вазы никто еще удачно не расписывал, образцов хороших нет. Он вот и дал эти картинки, но сказал, что это старые образцы, от них,

вишь, оттолкнуться только нужно, а свое придумать. Придумать! Оттолкнуться! Да я бы так оттолкнулась от них, что на кусочки бы их разорвала! Ах, зачем ты рисовала за меня, Настя? Я тебя мучила, а теперь вот и сама мучаюсь. А если бы я и тогда рисовала сама, он никогда бы не дал мне эту противную вазу. Ведь я хуже всех рисовала, — плачет Люба.

А ваза стоит спокойно на столике, точно она тут совсем и ни при чем...

Целую неделю стояла ваза на столике, никто до нее не дотрагивался. Люба сказала, что она снесет вазу к учителю, скажет, что у нее не выходит ничего, пусть он Смирновой ее передает.

— Знаешь что, Люба, — говорит ей на это Настя, — а я все же попробую...

— Что ты попробуешь?

— Да расписать ее. Ты только покажи мне, как разводить краски эти на скипидаре, и я начну помаленьку.

— Настя, миленькая, дорогая! Я сама их разведу, ты только рисуй.

— Нет, нет, Люба, не сегодня. Нужно еще подумать, как расписывать, что на ней нарисовать.

— Ну ладно, думай, думай, милочка ты моя! Ты у меня золотая умница, ты придумаешь! — радостно кричит Люба. — И больше я, хоть он убей меня, хоть из школы выгоняй, не буду у него ничего брать на дом рисовать, скажу — руку вывихнула, даже в повязке похожу.

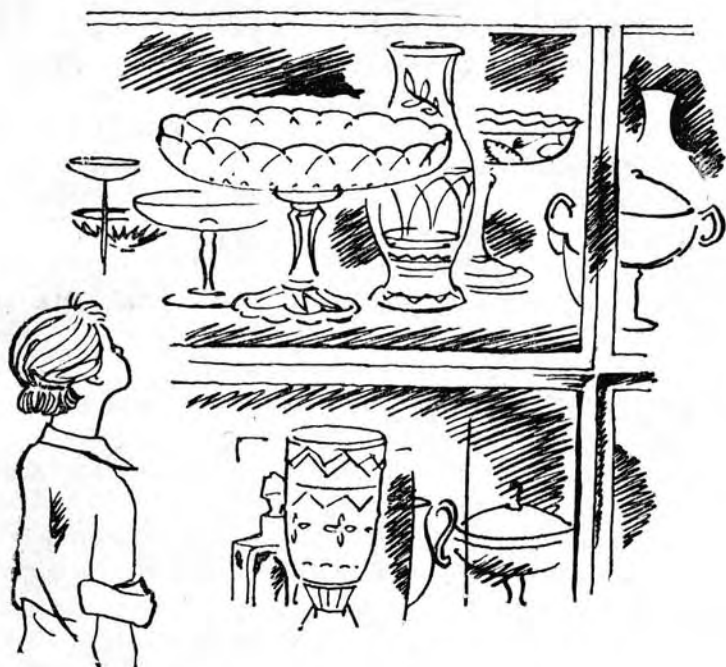
И Настя начала думать...

Долго рассматривала она изображение этрусских, греческих ваз, присматривалась и к более современным образцам. Василий Иванович правду сказал: все это было не то, что нужно. А что нужно, Настя и сама не знала.

«Пойду-ка я к Соне на выставку, она посоветует мне что-нибудь», — решила Настя.

И пошла. Тут же, вскоре после работы.

— А-а, Настя! — обрадовалась Соня, увидев ее. — Ты что

же это забыла про меня? Ты что же это перестала приходить ко мне, а?

Настя и правда очень давно тут не была и теперь, когда вошла и взглянула на выставку, всплеснула руками.

Вся посуда на выставке заново переставлена, на полках разостлана розовая бумага.

— Ах, как хорошо у тебя тут все стало, — говорит Настя Соне. — Было хорошо, а теперь еще лучше и красивей стало.

— Надо и мне от людей не отставать, — говорит Соня, — ведь я тоже соревнуюсь. А ты посмотри-ка, сколько нового за это время прибавилось! Смотри, вот это работа твоего Машины. Он в соревновании здорово отличился, на выставку попал даже.

Настя смотрит на кувшин. Да, тот самый, который Машина сделал, а она в печь отнесла.

Но сейчас ей не до кувшина, она ищет глазами вазы. И не дорогие, с алмазной гранью и гравировкой, а те, которые подешевле, с росписью на стекле.

Батюшки-матушки мои, сколько же их тут! И какие же они все красивые! Почему же этот Любин учитель говорит, что нужно отталкиваться от них и новое придумывать, когда и эти так хороши, что и глаз от них не отвести?

Настя так и говорит Соне:

— Соня, а зачем это придумывают новое, когда и старые хороши?

— Ну как это «зачем»? — улыбнулась Соня. — Как бы старое хорошо ни было, а новое нужно, и такое, чтоб лучше старого было.

— А я вот просто и не понимаю, что можно лучше придумать того, что есть тут на твоей выставке?

— Ну, это ты не понимаешь, а настоящий мастер-живописец понимает, как по-новому расписать вазу. Ведь и эти вазы не сразу появились, а постепенно. Один мастер дал такой образец, а другой — иной. Вот так они и накопились по-маленьку. А ты зачем это спрашиваешь?

— А просто так. Я вот сейчас подумала: как бы можно было расписать по-новому вазу, чтоб она не хуже этих была?

— А уж это я не знаю, — говорит Соня, — это забота художника и мастера. Я знаю только, что на вазах роспись все больше цветами да листьями. Да ты и сама это видишь. И не плохо ведь получается?

— Да, Соня, это хорошо. Но везде цветы, цветы, прямо в глазах рябит.

— Так то на выставке, а когда одна ваза на столе, то не зарябит, — улыбнулась Соня.

— Нет, это все-таки не то, — раздумчиво говорит Настя.

— А кроме цветов, ничего ты не придумаешь, — говорит ей на это Соня. — Только цветы идут к таким вазам.

— Нет, почему же? А ежели бы, скажем, одну веточку березы, с желтенькими листьями, как осенью, пустить от ножки

к краю наискосок или метелочкой врозь раскинуть? — говорит Настя.

Соня задумалась.

— Да, это тоже хорошо будет. Хорошо и сосновую ветку нарисовать. А зачем все-таки тебе это? — спрашивает Соня. — Почему ты так интересуешься этими вазами?

— Да так, любопытно мне просто, — уклоняется от прямого ответа Настя. — А как ты думаешь, Соня, а если хоро- вод на вазе нарисовать?

— Ну, что ты это? Там одна девка сарафаном всю вазу займет, а это некрасиво будет.

— Нет, рисовать нужно маленькие-маленькие фигурки, баб и девок, чтобы издали можно было подумать — цветы это, а не хоровод. И ты представь: в вазу налили чистого меду, желтого, как янтарное озеро, а вокруг озера водят хоровод.

— Да, пожалуй, и так тоже хорошо будет, — согласилась Соня.

Разговор с Соней не помог Насте. Она все-таки не знала, что выбрать, что лучше.

А время идет, день за днем так и катится. Нужно что-нибудь да начинать.

Настя пошла в лес, сломала веточку сосны, сучок у березы. Сосновая ветка с длинными иглами, голубовато-зелеными, с маленькими коричневыми шишками была на заглядение. Но ей не уступала и ветка березы с редкими, золотыми от морозов осенних листьями, вот-вот готовыми отлететь. А перед глазами хоровод подруг, сарафаны, платки разноцветные, с нежными оттенками.

«Что лучше? Что красивее?» — мучится Настя день за днем, даже ночами не спит.

Люба ничего ей не говорит, только смотрит иной раз пытливо.

Прокоп Машина оставил Любу в покое, к Насте приставать начал.

— Ты что это нос повесила? — спрашивает он Настю.

— У нее нос не висит. Это у тебя трубка в зубах день и ночь торчит, — застывает Люба за Настю.

— Нет, висит, я вижу. Даже знаю почему, — говорит Машина.

— Ну, почему? Ну, почему? — горячится Люба.

— Работать ей надоело, деревню вспомнила.

— Вот уж угадал! Много ты больно понимаешь, старый Паровоз!

— А ты вагонетка пустая, — ворчит Машина.

Его начинало разбирать зло. Как же?.. Все хорошо было, все порядком шло, а теперь вот что выходит? Люба злая, Настя задумчивая. Чего им нужно, спрашивается, от него? Скажи толком, он все им предоставит, а нечего дуться. Какие такие дела у них завелись секретные, хотел бы он знать?

Но узнать никак нельзя было — девочки молчали. И ваза молчала, тихо стояла на Любином столике. Машина видел вазу, спросил даже Любу, откуда она взяла ее. Люба отвечала, что это школьная, она скоро опять отнесет ее обратно.

Времени до срока, назначенного Любе, уже немного осталось — неделя одна. Василий Иванович уже не раз спрашивал Любу, как у ней дела идут.

— Плохо, Василий Иванович, — отвечает Люба ему.

— Не может быть, — не верил Василий Иванович.

— А вот увидите. Я вам говорила — Смирновой отдайте, лучше было бы, — сказала Люба.

А Настя пробовала краски. Золотистую, зеленую, голубую, коричневую. Какая на хрустале лучше будет выглядеть? И что рисовать? А потом рассердилась и махнула рукой.

Э, да будь что будет! Все равно раздумывать больше некогда.

И принялась за работу. Она нарисовала на вазе веточку березы с золотыми листьями, листочки редкие, маленькие, того и гляди — сорвутся и улетят по ветру.

— Вот, Люба, больше я не могу. Пусть он что хочет де-

лает с тобою, учитель этот твой. А у меня и сил нет, и измучилась я, — сказала она Любе, подавая расписанную вазу.

— Ладно, Настя, ладно! По-моему, очень даже хорошо. А не понравится ему, не будет больше приставать ко мне, оставит в покое, — обрадовалась Люба.

— Я долго думала, а ничего лучше придумать не могла, — оправдывается Настя.

— Да о чем ты? Лишь бы чуть-чуть, ну его! Он думает, что только те люди настоящие, которые рисовать умеют хорошо. А мне это ни к чему. Вот я ему когда-нибудь так и скажу.

И в тот же день Люба отнесла вазу в школу, сдала Василию Ивановичу. Василий Иванович долго смотрел сначала на вазу, потом на Любу. И ничего не сказал, бережно поставил вазу в шкаф.

— Ну, что он сказал? — кинулась Настя к Любе, когда та вернулась домой.

— Ничего не сказал, — отвечает Люба.

— Ни одного словечка?

— Ни одного. Только посмотрел и молчит как рыба.

У Насти и сердце упало.

«Подвела я подружку свою», — решила она.

XV

НА ОТЧЕТНОМ ВЕЧЕРЕ В ШКОЛЕ ФЗУ

Три месяца прошло, как школа ФЗУ вызвала соседнюю школу на соревнование. Три месяца — тот срок, когда нужно показать первые работы, поделиться между собой, у кого как дело движется. Совет школы ФЗУ послал утром уведомление, что школа приглашает к себе на первый отчетный вечер по социалистическому соревнованию дирекцию завода, соседнюю школу, заводской комитет, делегацию рабочих и городской Совет. Начало вечера ровно в шесть часов.

Люба в этот день пришла из школы раньше обычного.

— Настенька, собирайся! — кричит Люба радостно.

— Куда собираться-то?
— На вечер отчетный, в школу нашу.
— Но ведь я ж не учусь с тобою, Люба, как же я пойду? — говорит Настя.

— Не разговаривать! Без разговора! Замолчать! Собирайся, и только. Ты наденешь синенькое платье, а я... я тоже синенькое. Чулки серые, туфли... Молчи, молчи, я знаю, что говорю. Я спрашивала заведующего, можно ли тебя пригласить, он сказал: пожалуйста. Вот тебе и все! — тараторит Люба.

Когда Машина пришел домой с работы, подружки были уже одеты. Он остановился на пороге точно вкопанный, развел руками. Кто ж это им билеты в клуб достал?

— Паровоз, мы скоро уходим, минут через десять, — говорит Люба ему.

— Куда?

— На вечер. В школу нашу.

У Машины отлегло: а он-то думал, в кино или на спектакль.

— Мне можно с вами?

— Не знаю. Придешь — приходи. А нам с тобою растабарывать некогда, нужно уже идти, и так опоздали.

— А обедать?

— Мы уже пообедали, пообедай один.

И девочек точно ветром сдуло.

Машина грустно уселся за стол, он не любил обедать один.

А в школе уже все собрались. В большом зале уселись гости: управление завода, заводской комитет, делегаты от цехов, представители от городского Совета и от комсомола и человек сто из соседней школы.

Настя с Любою уселись в последнем ряду и стали ожидать начала. Всегда бойкая Люба сидела теперь смиренненько, крепко уцепившись за руку Насти.

— Ох, боюсь я, Настя, — говорит она подруге.

— Чего боишься-то? — удивилась Настя.

— Ну как же?.. Вдруг наша школа провалится. Тогда беда, стыдно будет нам, ведь мы их вызвали.

— Да, это будет плохо.

На трибуну вошел Костя Плахин, первый оратор ФЗУ.

Все затихли, приготовились слушать отчет. Костя кашлянул раз, другой и начал:

— Мы не хвалюшки пустозвонные, мы фабзайчата, завтрашние рабочие. Завод наш соревнование проводит, все рабочие взялись показать друг другу, как работать должен каждый. Мы — ваши дети, смена ваша, от вас отстать не хотим: мы вызвали на соревнование соседнюю школу. Учеба — работа наша, товарищи, потому мы и решили подтянуться хорошенько, учиться как следует. Учебу, которую мы ведем на заводе под руководством инструкторов, рабочие знают, а кто не знает — на выставке наших работ увидит после заседания. Выставка — в классе второй группы. А вот о другой части нашей учебы, о том, чему мы учились вот тут, в стенах этой школы, я сейчас буду говорить...

И Костя начал перечислять достижения школы. Он подробно, обстоятельно докладывал собранию, как та или иная группа училась, как тот или иной ученик подраививался, подтягивался.

— У нас один ученик есть, Вася Кулешов, последним по математике был. Он все время ленился, дурака валял, потому и не мог одолеть математики. Теперь он подтянулся, хорошо стал задания выполнять. У нас ученица есть — Синюкова Люба...

У Любы поплыл туман перед глазами.

— Она рисовать не умела и не хотела, больно непоседа она, — докладывает Костя. — А теперь она первая у нас по живописи, работу ее вы увидите на выставке...

У Насти сердце стучит радостно: значит, Любу она не подвела!

— Ты слышишь? — спрашивает она Любу.

— Слышу, — шепчет Люба.

— Ты рада?

— Чего ж мне радоваться? Ведь это ж ты рисовала.

— Да, но это я для тебя ведь, — говорит Настя.

— Мы говорим вам, товарищи, что и выйдя из этой школы, будем постоянно работать так же, как вот теперь учимся: с бодростью друг перед другом, друг с другом, — закончил Костя Плахин свой доклад.

Вслед за Костей поднялся инструктор Жуков, хороший мастер, но плохой говорун, двух слов толком не свяжет. Он занимался с фабзайчатами в шлифовальном цехе.

— У меня некоторые работают, то... то из этих са-

мых, говорю я, из них толк выйдет: и ребята и девчата старательные, — сказал Жуков и сошел с трибуны.

Жукову хлопали, всех рассмешила его неуклюжая речь, и все знали, что хотя он и сказал немного, но большей похвалы трудно добиться у молчаливого инструктора.

За Жуковым поднялся на трибуну Слепнев, за Слепневым — Мухин, за Мухиным — Шилин. Все инструктора, у которых на фабрике фабзайчата учатся на станках работать. И все, как один, говорили, что ребята за последнее время подтянулись, работали хорошо. Потом директор речь сказал.

— Я рад, — говорит директор, — что молодежь у нас хорошая. Дятьковский Хрустальный первый в Союзе по выработке хрусталя, дятьковские мастера лучшими считаются.

И вот теперь я вижу, что и молодежь наша работать будет не хуже стариков.

Когда кончились речи, перерыв объявили.

А после перерыва все пошли на выставку работы осматривать.

Во втором классе, у стен, на полках, выстроились стаканы, кувшины, графины, кружки, цветники, вазы, корзинки, сервизы, колпаки для ламп. Прессовые, граненые, расписные. И все это работы фабзайчат.

Класс второй группы меньше зала: теснота, давка поднялась.

— Товарищи, не сразу все, по очереди можно осмотреть, не спеша, — волнуется заведующий школой.

У полки с расписной посудой стоят мастера-живописцы, директор фабрики и учитель Василий Иванович. А поодаль чуть Прокоп Машина стоит и к разговору прислушивается.

Прокоп Машина пришел как раз в то время, когда Костя Плахин о Любе говорил. И теперь он смотрел на работу Любы, на вазу с надписью внизу:

*Работа ученицы второй группы
Любы Синюковой.*

— Ну, что вы скажете? — спрашивает директора Василий Иванович.

Директор долго молчит и думает. Он колеблется. Работа Нины Смирновой, кувшин расписной, тоже хороша: завод вдали, синий дым из труб, а впереди девушка-работница. Но вся беда — он видел это в одном журнале на картине известного художника. Зато работа Синюковой для него загадка. Как она могла додуматься нарисовать так эту простую березовую ветку, с золотыми осенними листочками? И просто и красиво. А самое главное — именно так нужно было вазу расписать, именно так. И такая роспись будет недорого стоить, а спрос на нее должен быть большой.

— По моему, вот эту вазу я бы в выставочный отдел поставил. А девочку эту, Синюкову, надо теперь же к живопис-

ному отделению прикрепить. Она уже сейчас может хорошо работать, — сказал директор.

— Я тоже так думаю, — радостно согласился с ним Василий Иванович. — Талант, талант, больше ничего не скажешь.

Прокоп Машина даже крикнул от радости и кинулся искать Любу и Настю.

А Люба, заметив, что вазой все любят, потащила Настю одеваться.

— Побудем еще, Люба, — говорит Настя.

— Нет, нет, уйдем, а то они меня позовут, и тогда я пропала, я не знаю, что и сказать им, — тащит Люба Настю.

Почти у самого дома Машина нагнал их. Он схватил Любу, поднял вверх и закричал:

— Коза моя!

А Люба отбивается и чуть не плачет.

— Брось, брось, говорю! — кричит она на отца сердито.

— Ну и Коза, ну и молодец! Ты слышала, Настя: она лучше всех рисует! А я и не знал! Ну и Коза!

— Ну, перестань же ты, Паровоз дурацкий, когда не знаешь ничего! — плачет Люба.

— Нет, я знаю, все знаю! — смеется Машина. — Я знаю, что моя дочурка лучше всех рисует, лучше даже Смирновой. Да! Я долго смотрел, слушал, что другие говорят. И все хвалили твою работу, Коза, все!

И тут только он вспомнил про Настю, подумал, что ей обидно, быть может. Он спохватился, опустил Любу наземь, Настю поднял.

— А ты, Настя, не тужи. Ты тоже хорошо рисуешь, особенно тот раз Стрекозу с Макаркою ловко нарисовала ты. И как знать, ежели бы и ты сейчас в фэзэу училась, то и твоя работа, пожалуй, тоже не хуже Любиной была.

— Я и не тужу, дядя Прокоп, — говорит Настя.

Весь вечер Машина радовался, прыгал, точно маленький. И никак понять не мог, чего Люба-то кукуется, не радуется.

«Это она заважничала, гордиться начинает... Ну и пусть поважничает немножко, она это заслужила», — решил он.

НАСТИН ОТЕЦ ПРИШЕЛ

А назавтра утром две беды: первая для Насти, вторая — Любина.

Прокоп Машина только что встал, вышел на двор — Стрекозе и Макарке с курами корму дать — и вернулся домой. Девочки еще валялись в кровати и о чем-то разговор вели, как в дверь постучал кто-то.

«Ну! Кого ж это принесло в такую рань?» — думает Машина, идя дверь открыть.

— Кто тут?

— Я, — отвечает грубый голос за дверью.

— А кто ты? — спрашивает Машина.

— Человек.

— Что ж тебе нужно?

— Мне нужно... Прокоп Синюков тут живет, мастер который? Его еще Машиною зовут...

Машина открыл дверь. Перед ним стоял мужик в зипуне, в лаптях, борода черная с проседью.

— Вот я и есть Прокоп Синюков. Говори, зачем я тебе понадобился? — говорит Машина гостю.

Мужик помялся и робко начал:

— Так как прослыхали мы, слух такой был до нас, что девчонка моя, Настя, сбегавшая которая, при тебе находится, на завод работать поступила...

«Ах, вот ты кто! Настин отец», — догадался Машина и сказал:

— Иди в квартиру. У меня две девочки есть, а которая твоя, не знаю.

Мужик вошел в дом за Машиною.

— Эй, детвора, вставайте-ка скорее, к вам тут пришли! — кричит Машина девочкам.

Мужик сел осторожно на стул и молчит.

Настя и Люба вскочили проворно и начали одеваться. Люба быстро оделась, выглянула из-за двери,

— Какой-то дяденька сидит, — говорит она Насте. — Сидит и молчит.

— Ну, оделись? — спрашивает Машина.

— Да, — отвечает Настя, подбирая гребешком волосы.

— Выходи сюда!

Люба и Настя вышли. Настя как глянула, так и обмерла: узнала отца сразу.

— Ну, которая ж твоя девочка, а? — спрашивает Машина мужа.

Мужик смотрит долго, никак Настю узнать не может сразу, а потом говорит:

— Кажись, вот эта моя...

— А-а, кажись! Хорош же ты отец, ежели дочку сразу признать не можешь! А ведь это моя дочь, твоя вот эта, — указывает Машина на Любу.

Мужик задумался опять.

— Нет, моя будто вот та. Моя на ту больше схожа.

Машина вдруг схватил мужа за шиворот, девочки завизжали.

— А-а, твоя на ту схожа! Убью, разбойник, дух из тебя сейчас вышибу! Какое ты имел право ребенка изводить, что она убежала от тебя куда глаза глядят, а? — кричал Машина, тряс мужа за шиворот.

Люба кинулась к отцу, Настя схватила Машину за руку.

— Паровоз, не смей драться! — кричит Люба.

— Дядя Прокоп, миленький, не бей ты его! — заплакала Настя.

— Не буду, не буду, это я так... Ну, счастье твое, что ты под веселую руку мне попался, да и эти вот козы помешали. А то бы хорош ты был! Я тебе показал бы, как детей воспитывать! — ворчит Машина.

— Нельзя драться, Паровоз, понимаешь, нельзя! — говорит Люба, отгаскивая отца подальше от мужа.

— Иной раз без этого не обойдешься... Ну ладно, давайте самовар разводить. Ты, Коза, займись делом этим, чай пить будем. А ты, Настя, поздоровайся с отцом-то: отцом

он тебе все же приходится, — сказал Машина и вышел на двор.

— Здравствуй, тять, — еле слышно говорит Настя отцу.

— Ладно, здравствуй... Злой, однако, этот хозяин-то твой, — отвечает мужик.

— Нет, он не злой, он хороший, — говорит Настя.

— Да, хорош! Чуть не задушил начисто...

Люба загремела на кухне самоваром. А сама смотрит на Настиного отца, вспоминает, что его Романом зовут, и удивляется, что он такой. Она думала, что у Насти совсем-совсем другой отец, на этого не похож.

— Ну, как дома? — спрашивает Настя отца.

— Дома все живы, — отвечает Роман.

— А что ж... с вас за овечек вычи? Которые пропали? — спрашивает Настя.

— За овечек-то? Нет, не вычи. Потому как ты сбежала, а все думали, что ты залилась, что ли, то и порешили не вычитать. Ну, и хорошо, что ты убежала. А то бы я тебя не хуже, как вот хозяин твой меня сейчас. Проучить я тебя хотел.

— Я не виновата, что овечек украли, — говорит Настя.

— А кто ж виноват? Я, что ли? — заворчал Роман сердито.

Прокоп Машина вошел со двора.

— Ну, Настя, поговорила с отцом?

— Поговорила, — тихо отвечает Настя.

— Рада небось, что отца увидела?

Настя молчит. Молчит и отец Насти.

— Как же, свой отец как-никак. А своему всегда рад, каков бы он ни был. Ну ладно. Теперь дайте нам с ним поговорить. Иди-ка, Настенька, Любе там около самоварчика помощи, а мы с твоим отцом потолкуем. По душам потолкуем.

Настя облегченно вздохнула и к Любе в кухню пошла.

— Так, — говорит Машина, набивая трубку.

Настин отец молчит.

— Тебя Романом звать, кажется? — спрашивает Машина.

— Звали Романом, иной раз Иванычем,— отвечает Настин отец.

— Ну, я церемонии эти не люблю. Я по имени называю людей, а отчество можно и мимо... Ты зачем же пришел-то?

— Как это — зачем? Раз мой ребенок у тебя, то...

— То что?

— То должен я его обратно взять. Девчонка-то она моя? Машина пыхнул трубкой.

— Так как ты дурак, то разговаривать я с тобою долго не буду,— говорит Машина Роману.— Пойдет она с тобою — бери, а не пойдет — убирайся сам! Бить ты ее тут не станешь.

— Зачем бить?.. Бить нечего своего ребенка. Не пойдет — пусть тут живет, у тебя, а только...— замялся Роман.

— Ну, говори, говори, не стесняйся,— подбадривает Машина гостя.

— Только тогда пусть она мне представляет в месяц по десятке, что ль...

— Это за что ж она должна представлять тебе? Десятку-то эту?

— А как я отец ее, вот за что. Кормил же я ее махонькую али нет?

— Ага, вон оно что! Я сразу-таки почувствовал, что не дочь тебе нужна, а деньги. Так оно ведь и вышло. Ах ты разбойник, разбойник! Какой же ты отец, а? Ты знаешь, сколько твоя дочь зарабатывает, а? — спрашивает Машина Романа.

— Сколько бы ни зарабатывала, а мое отдай, мне десятку доставляй,— отвечает Роман спокойно.

Машина поднялся и тихо, точно кот за мышью, пошел к Роману, засучивая рукава. Роман заметался, но убежать некуда.

— Постой... подожди... Караул, ратуйте, опять бить хочет! — заорал Роман истощно.

Настя и Люба опрометью из кухни на крик. А Машина спокойно сидит и курит трубку.

— Готов самовар? — спрашивает Машина девочек.

- Что тут случилось? — спрашивает Люба.
- Ничего. Я вот курю, разговариваю.
- А чего он кричал?
- А уж это спросите его, — отвечает Машина.
- Он опять было бить меня хотел, — говорит Роман Любе.
- Врет он, — говорит Машина. — Он просто с ума спятил. Вы знаете, зачем он пришел? Хочет, чтобы Настя по десяти рублей ему в месяц присылала. Он, видите ли, отец. А она сама пока всего-то двадцать в месяц получает. Так вот половину отдай ему, так называемому отцу, за то, что он дочку из дома выжил.
- А ты и драться полез?

— Да нет же, Коза! Не знаешь ты меня, что ли? Стану я драться с дураком! Была мне нужда. Попугать — попугаю, а драться — нет.

— Эх, я тебя как-нибудь попугаю самого! И кулаков не пожалею, — говорит Люба.

«Дочка-то вся в отца пошла», — думает Роман.

— Давай-ка лучше чай пить, самовар уже готов, — сказала Люба.

— Садись и ты, папаша, — приглашает Машина Настинного отца, словно между ними ничего и не было.

Все уселись за стол.

Настя и Люба только по стакану выпили, зато Машина и Роман точно соревнование устраивали, друг перед другом так и дули. Пьют и молчат.

«Ну и мужик! Таких редко встретишь», — думает Машина.

«А Прокоп этот здоровый, как погляжу я. Чай пьет здорово и драться любит», — думает Роман.

— Ну так как же, Настя, будешь отцу по десятке в месяц посылать? — спрашивает Машина Настю, осушив самовар.

— Дядя Прокоп, ты ж знаешь, что у меня нет денег. Я еще вам сколько-сколько должна, — говорит Настя.

— Так ты ему так вот и скажи.

— А что я буду говорить? Он и так слышит.

Тогда Машина полез в карман, достал из кошелька пятерку и, подавая Роману, сказал:

— Вот тебе, Роман, да еще Иваныч, напоследок. Это я тебе даю из своих, из последнего, чтоб ты ноги больше не бил зря, не ходил. Иди-ка ты домой, мил человек, и больше не приходи сюда. Дочь твоя, ежели вздумает, пришлет тебе денег, когда побольше зарабатывать станет, а пока ей еще самой маловато. Понял ты мои слова или нет?

— Понял, чего тут не понять, — проворчал Роман.

Роман взял пятерку, бережно спрятал в карман штанов и начал собираться домой.

— Ну ладно, спасибо и на этом, — буркнул он уже в дверях.

И, не попрощавшись даже с Настей, хлопнул дверью и ушел.

Стрекоза долго на него лаяла.

— Да, ну и люди бывают на свете! Как ты только жила с таким отцом? — говорит Машина Насте, когда они остались одни.

— Зато вот и бежать мне пришлось, — вздохнула Настя.

— Ну ладно, ладно! Не грусти и не вздыхай. Думается мне, что он больше теперь не заглянет сюда.

— Я очень рада, что он ушел, — говорит Люба Насте, собираясь в школу. — Ты, Настенька, не скучай, я скоро-скоро приду.

— Ты что-то очень рано сегодня, Коза?

— Мне нужно пораньше, Паровоз. Сегодня у нас общее собрание.

И Люба, поцеловав Машину и Настю, выбежала на улицу. Но и часа не прошло, как Люба домой вернулась. И прямо в кровать, вся в слезах. Машины дома не было — в магазин ушел.

— Что, Люба, что? — испугалась Настя.

— Меня... меня в живописное отделение работать посылают!

Когда Машина вернулся домой с покупками из магазина, то и Настя плакала вместе с Любой.

— Это что такое? — опешил он.

А Люба с Настею в ответ только всхлипывают.

— В чем вопрос состоит, спрашиваю я? — кричит Прокоп уже сердито. Он очень не любит, когда люди плачут.

— Это я, я виновата, дядя Прокоп, — плачет Настя.

— В чем ты виновата? В чем дело-то?

— Любу посылают в живописное работать.

— Ну и что ж такое? Я вчера сам слышал, как директор о том с учителем говорил. Чего же реветь-то? Радоваться нужно, а не плакать.

— А я не пойду! Я не хочу в живописное отделение! Я в шлифовальном цеху хочу работать! — плачет Люба.

— Ну, ну, ну! Вот уж этих капризов не понимаю я. В шлифовальном цеху каждый может работать, а в живописном нужно способность иметь особую. Директор так и сказал: чтобы тебя немедленно туда прикомандировали, потому как у тебя талант к этому.

— А я не пойду!

— Да почему? — развел руками Машина.

— А потому что я рисовать не умею, вот почему!

— Что ты не хочешь — это дело другое. Я знаю, какая ты капризная, сам виноват, избаловал тебя. А что ты не умеешь рисовать, то это ты врешь.

— Нет, не вру. Спроси-ка Настю.

— И спрашивать нечего, когда ваза твоя...

— Да не моя это ваза, а Настина, Паровоз ты этакий! — кричит Люба.

Машина вытаращил глаза.

— Настина?.. Постой, постой... Это как же так? Почему Настина, а не твоя?

— А потому что она эту вазу за меня расписывала, а я тут совсем ни при чем. Я рисую так же, как курица лапой царапает.

— Настина?

— Да, Настина. Это ты такой глупый, не мог догадаться, что я рисовать никогда не сумею хорошо. И вот теперь что мне делать? Как я скажу Василию Ивановичу или заведующему? Меня из школы выгонят теперь, это я точно знаю.

— И все я, все я! Если бы меня не было, то у Любы ничего такого и не случилось бы, — рыдает Настя.

— Так это Настина работа, Настя вазу так разделала? — говорит Машина раздумчиво. — Да, хорошенькое дельце вы учинили, нечего сказать.

Машина терпеть не мог обманщиков, а тут на тебе! У него под крышей жулики завелись. Вот уж не ожидал он такого от любимиц своих.

«Скверно, очень скверно это!» — злился он в мыслях.

А самое главное — отругать как следует он не мог их сей-

час, чтоб на душе у него полегчало. Как их сейчас ругать, когда они и так ревмя ревут? Нашкодили, а теперь вот и разливаются рекой.

«Ах и глупые же еще они, ах и глупые!» — думал Машина, глядя на плачущих подружек.

XVII

МАШИНА ВЫРУЧАЕТ ПОДРУГ ИЗ БЕДЫ

Настя и Люба чуть не весь день плакали. Надо же в один день двум напастям таким быть! Ну, от отца Машина Настю быстро избавил, а вот кто теперь Любу спасет от живописного? Нет, лететь теперь ей из школы, позор ей теперь перед подружками! И Насте теперь весь век мучиться, что она так подвела любимую и единственную подружку свою!

А Машина весь день ходил мрачный, на работу ушел угрюмый.

Даже ночью ему не спалось, он все ворочался, вздыхал. Неприятно ему было, что дочь его так нехорошо сделала.

«Вот до чего лень-матушка доводит! Ежели бы она сама рисовала, то ничего бы и не было. А теперь вот и Насте горе, а она не виновата. Настя ведь хотела помочь ей, она и не думала, что случится беда такая», — мучился Машина.

Утром чай пили молча. Люба не смеялась, как всегда звонко, Настя не улыбалась, Машина не шутил. Он сопел, курил трубку, на Любу с Настей даже и не смотрел.

— Ну одевайся-ка да идем со мной, — говорит он Насте, не глядя на нее, когда отпили чай.

— Куда, дядя Прокоп? — испугалась Настя.

— Там узнаешь куда, идем-ка, — бубнит Машина.

— Куда ты ее тащишь? — вступилась за Настю Люба.

— Не твое дело! Заступница нашлась!.. Ты лучше рисовала бы сама, а не ее заставляла, — проворчал Машина на Любу.

Настя оделась и вышла вслед за Машиной из дома.

Настя знала, что дядя Прокоп добрый, в обиду ее не даст, но куда он ее тащит? Кажется, в школу они идут. А что он там говорить будет? И Настя, еле живая, плелась за Машиною.

Заведующий ФЗУ сидел в канцелярии школы и разговаривал с учителями, когда Машина с Настею вошли к нему. И учитель рисования Василий Иванович тут же находился.

— Здравствуйте, — пробубнил Машина.

— А-а, Синюков! — обрадовался Василий Иванович. — Вот кстати-то! Мы сейчас как раз говорили о вашей дочери. Какой у ней талант, какие способности! Поверьте мне, я первую ученицу по своему предмету встречаю такую. И вот теперь перед нею две дороги: на завод, в живописное от-

деление, или же дальше поехать учиться — в Москву, в Институт прикладного искусства. Конечно, на заводе она сразу станет зарабатывать, но если бы она годика четыре в институте поучилась, то она настоящим художником стала бы. Как вы сами думаете?

— Никуда она не поедет и не пойдет, кроме цеха шлифовального, — отвечает Машина уग्रомо.

— Что вы? Такие у ней способности, — изумился Василий Иванович.

— Нет, нет, так нельзя, — заволновался и заведующий. — В конце концов, весь завод наш заинтересован, чтобы молодежь наша росла, училась. Я имею в виду ту часть, у которых способности к учебе обнаружены, талант есть.

— Да нет у ней никаких талантов и способностей к тому, куда вы ее посылаете, — говорил Машина.

— То есть как это нет? А ее работы последние? А ваза?

— Это не она работала, не она вазу расписывала.

— Как — не она? А кто же?

— Вот эта девчонка, Настя, — потянул Машина за руку Настю.

Заведующий поправил пенсне, Василий Иванович опустился на стул точно подкошенный.

— Так это не ваша дочь вазу расписала? — переспросил заведующий.

— Говорю же я вам, что Настя, — сердито мычит Машина.

— А кто эта девочка? Откуда она взялась вдруг? — спрашивает Василий Иванович.

— Это тоже, можно считать, моя дочь, вторая, только не родная, а приемная. Она сейчас работает на заводе, у меня в бригаде, относительной посуды. Очень хорошая девочка, имейте это в виду, — отвечает Машина Василию Ивановичу.

— Но все это очень нехорошо, — сказал заведующий. — Я прямо не знаю, что теперь делать. Вашу дочь придется исключить из школы за такой проступок: так делать нельзя ученику фабзауча.

Машина нахмурился, точно туча, подошел ближе к столу.

— Так делать нельзя, но так делают дети иной раз! — говорит Машина. — Моя дочь виновата, но ей зато сейчас и мучиться приходится, она ревет как королева.

— Да, но что мы тут поделать можем? Как я отвечу директору? Ведь он посылает Любу в живописное отделение, она там работать должна. А она рисовать, оказывается, не умеет. Ведь это же скандал для школы.

— Никакого скандала тут нет. Посылайте вот эту, Настю, туда. А Любу оставьте пока в школе, а потом она будет работать в шлифовальном цеху. Вот и все, — сказал Машина.

— А как на это посмотрит директор? Ведь это от него теперь зависит, кого куда принять.

— А с директором я сам говорить буду.

Заведующий пожал плечами.

— Хорошо, улаживайте вопрос сами. А вашей дочери мы все-таки выговор вынесем.

— Катайте, она это заслужила, — согласился Машина, выходя с Настей из канцелярии школы.

Директора в кабинете не было, он ушел на завод. Машина с Настей пошли на поиски. В гелиоширном цехе Машина нашел директора. Директор осматривал новый станок, изобретенный рабочим Грачевым. Машина некстати пришел.

— После, после придешь! Видишь, занят я! — закричал директор на Машину.

— И хорошо, что занят. А я тебя не задержу, мне одно твое слово только и нужно, — говорит Машина.

Директор сердито крикнул, видит — от Машины не отстать.

— Ладно, говори скорей.

— Девчонку вот эту, Настю-то, нужно в живописное послать вместо моей.

— Вот те раз! Это почему?

— А потому, что вазу ту, которой вы с учителем на выставке любовались, вот эта расписывала, Настя, а не та, ко-

торая в фэзэу учится. Эта хорошо рисует, а не та. Понятно?

Директор взглянул на дрожавшую Настю, на Машину, хотел было возразить Машине что-то, а потом, чтобы поскорей от него отделаться, махнул рукою и сказал:

— Ладно, будь по-твоему, отвяжись только! Но только ежели она плохо владеет кистью, обратно отчислим.

— А это ясное дело. Но только, думается мне, такого не должно случиться, — ответил ему Машина.

А Настя слушала и диву давалась. И как это так получается, что дядя Прокоп умеет все улаживать и почему его все слушают и уважают? И почему он никого не боится?

«Наверно, это потому, что у него вид такой суровый. И потому, наверно, еще, что он добрый и работает хорошо», — решила она.

XVIII

НАСТЯ РАБОТАЕТ В ЖИВОПИСНОМ ОТДЕЛЕНИИ

А назавтра Настя пошла работать уже в шлифовальный цех, в живописное отделение. Ее прикрепили к мастеру Карлу Тунбергу. Этот Тунберг родом был из Богемии, он приехал сюда еще маленьким с родителями, тоже живописцами по стеклу. Приехали они на время, по контракту с бывшим хозяином завода генералом Мальцевым, да так и остались тут на всю жизнь. Тунберг уже стар, но все еще работает. И он немножко чудаковатый: всю жизнь среди русских прожил, а говорить хорошо по-русски так и не научился. И он очень строг, сам хорошо работает и от других хорошей работы требует.

Тунберг из приказа директора завода уже знал о переводе Насти из гутенского цеха, встретил ее важно.

— Ты тот самый девочка, который хрусталь вазу рисовал? — спросил Настю Тунберг. — Который ваза я на выставке видал в школь?

— Да, — шепчет Настя.

Тунберг пытливо посмотрел на Настю, точно не верилось ему, что она рисовать умеет.

— Садись вот на стуль этот, — сказал Тунберг. — И вот твой кисточка, вот твой краска. Будешь рисовать этой стакан, с этой форма.

И Настя начала расписывать чайные стаканы незатейливым рисунком. Тунберг зорко смотрел за нею, разрисовывая коз на хрустальном кувшине.

Рисунок на чайных стаканах очень простой. Настя быстро научилась работать, стаканы так и становились рядышком, разрисованные. Ей только почему-то страшно было, что Тунберг так зорко и строго смотрит на нее.

«Наверно, я не так рисую», — думает она.

Но, взглянув на других помощников Тунберга, двух взрослых девушек и одного пожилого рабочего, она увидела, что и они так же рисуют. Но Тунберг за ними почему-то не следит.

«Хоть бы он сказал что-нибудь», — с тоской думает Настя.

А угрюмый Тунберг молчит и молчит, рисует и рисует и знай поглядывает на работу Настину.

Он молчал весь день, все время, пока Настя расписывала сорок стаканов своих.

— Ну как? — спрашивает Люба Настю, когда она домой пришла с работы.

— Ох, Любочка, милая, и сама не знаю. Будто бы ничего, хорошо получалось у меня, но он молчит, — отвечает Настя.

— Кто молчит?

— Да Тунберг. Кто же еще?

— А что ему говорить-то? — вмешался Машина в разговор.

— Как — что? Мог бы сказать ей, что она работает так, как нужно, — говорит Люба.

— А зачем ему говорить ей это? Ежели человек работает как следует, то говорить тут нечего. Вот ежели бы она

плохо работала, тогда он сказал бы не только ей, а даже директору. «Этот девочка работать нехорошо умеет,— сказал бы он директору.— Она требовать назад нужно».

Машина так хорошо представил Тунберга, что Настя и Люба засмеялись.

Но на следующий день Тунберг заговорил.

Как только Настя вошла в живописное отделение и робко взяла кисточку, потянулась было к стаканам, он остановил ее.

— Ты не будешь рисовать стакан,— сказал он ей.

У Насти застучало сердце, задрожали руки.

«Я так и знала. Недаром он молчал вчера»,— думает она.

Тунберг повернулся к своему столу и, взяв кувшин из матового хрусталя, сказал:

— Ты будешь рисовать вот этот кувшин. Сиди за мой стол.

«Ах вот что!»— обрадовалась было Настя и тут же испугалась снова: ведь кувшин труднее расписывать, ну как она не справится?

Подруги ее по работе покосились на нее. Им немножко досадно, что Тунберг так скоро дал Насте такую работу. Они давно уже работают, а все еще стаканы расписывают. А этой, вишь, сразу дают то, что делают только настоящие мастера.

— Вот тебе новый краска, вот тебе новый кисточка. И вот такой шаблон, клади его сначала на кувшин. Рисовать вот такой картинка,— говорит Тунберг, ставя перед ней кувшин, который он сам перед этим зарисовывал.

На кувшине нарисованы были завод и деревня, рабочий и крестьянин, крепко державшиеся за руки.

«Как будто не очень трудно»,— думает Настя, а у самой дрожат руки.

Она подвинула свой стул к столу Тунберга и дрожащей рукой начала расписывать.

— Ты не волнуйся, ты не торопись,— говорит ей Тун-

берг. — Сначала фон, вот этот краска, потом фабрик и деревня. А фигура потом уже писать будешь.

Настя так и делает.

Тунберг опять зорко посматривает на нее, поправляет, если она не так что делает.

— Ну как сегодня? — спрашивает Люба Настю вечером.

— Сегодня кувшин дал разрисовывать, — отвечает Настя.

— Вот видишь! А что я говорил? — вмешался опять Машина. — Ежели на второй день он кувшин поручил тебе, то это, брат Настя, большое дело. Он, значит, считает тебя хорошей работницей.

— Ну конечно же, Паровоз ты этакий! — кричит Люба и пляшет по комнате от радости.

ХІХ

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ РУГАЕТСЯ С КАРЛОМ ТУНБЕРГОМ

А на третий день, часов в десять утра, к Машине на дом пожаловал сам учитель рисования Василий Иванович. Люба, завидев его, тотчас же спряталась, думая, что он пришел за нею.

— Все равно не спрячешься, лентяйка ты этакая! — кричит Василий Иванович. — Только я не к тебе пришел, ты мне теперь не очень-то нужна. Мне с Настей поговорить необходимо.

— Ее нет, Василий Иванович. Она ушла уже на работу.

— Ну, тогда и я на работу к ней загляну.

И Василий Иванович пошел на завод. Он взял пропуск в конторе и прошел прямо в живописное отделение.

— Здравствуйте, — говорит он Тунбергу.

— Мой почтенье, — отвечает Тунберг. — Что скажете нам хорошее?

— Пришел посмотреть, как вы работаете.

— Смотрите, но мешать нельзя.

— Я мешать не буду.

Василий Иванович уселся на стульчик и начал смотреть, как Настя управляетсЯ с кувшином.

— Как работает Настя у вас? Хорошо? — спрашивает Василий Иванович осторожно.

— А почему она плохо работать будет? Работать должен хорошо все. У нас все хорошо работать.

— Да, это, конечно, верно. Но я вот что хочу вам сказать... У девочки очень хорошие способности к живописи, и мы решили на заседании школьного совета принять ее в исключительном, так сказать, порядке в школу фэзэу.

— Что вы сказали? — встрепенулся Тунберг и бросил рисовать.

— Я говорю, мы берем Настю в школу фэзэу, где она должна учиться, — отвечает Василий Иванович.

— Вы этот девочка не получите. Она мой, работать будет за мой стол!

— Я понимаю. Она и будет работать у вас, часа два-три в день. Но остальное время она должна учиться, ей необходимо учиться.

— Она будет учиться за мой стол, у меня, Карл Тунберг!

Василий Иванович криво улыбнулся. Тунберг его начинает злить.

— Поймите, что у вас она многому не научится. Вы — хороший мастер, но у вас узкая специальность. А ей же нужно много знать, — говорит он спокойно, но ядовито.

Карл Тунберг покраснел как рак.

— Мой специальность узкий? Вы так говорите со мной, с мастер-живописец Карл Тунберг? — закричал он.

— Ну да, чего вы волнуетесь-то?

— Убирайтесь отсюда сей минут, или я вам этот кисточка распишу ваш нос.

— Ну, ну, полегче!

Тунберг двинулся было к Василию Ивановичу, но подручный схватил его за руку. Девушки завизжали, Настя ни жива ни мертва.

— Вот дурак-то! — говорит Василий Иванович. — Но погоди ж ты у меня! Я тебе докажу! Все равно по-твоему не будет.

И Василий Иванович пошел в гутенский цех, к Прокопу Машине.

В цехе гутенском был перерыв. Машина курил трубку и разговаривал со своим помощником.

Василий Иванович прямо к нему:

— Машина!

— Что?

— Как ты думаешь, нужно молодежи нашей учиться?

— Обязательно, — отвечает Машина.

— Так вот пойд и поговори с ним, с дураком этим, Карлом Тунбергом. Он не хочет отпускать Настю в фэзэу. Говорит, что она у него выучится. Я говорю, что он многому ее научить не может, что девочке, кроме рисования, и другим предметам поучиться нужно.

— Правильно, — согласился Машина.

— Да, но он стоит на своем. Да еще драться было полезно мне.

Все засмеялись.

— Вот так Тунберг! Какой петух нашелся!

— Ты подумай, к нам в школу много молодежи просится. Мы некоторым отказываем даже, не можем еще всех принять, тесновато у нас. Но для таких, как Настя, у которых способности большие, мы делаем исключение, принимаем вне очереди, потому что они пользу принесут производству впоследствии большую. А он хочет сразу прикрепить ее к своему столу, ничему больше не учивши. Ты поговори, пожалуйста, с Настей сам, ты ведь над ней опекун. Ну и с ним, с Тунбергом этим, потолкуй.

Машина пыхнул трубкой.

— С Настей разговор короткий. Она девочка умная, учиться любит и будет. А с Тунбергом и говорить нечего. Тут разговаривать не с ним нужно, а опять-таки с директором, с завкомом. Раз совет школы постановил, то Тунберг зря тут ерепенится. Он просто сгоряча это так, а потом и сам одумается.

— Да, но на практике она все-таки у него будет работать? И если он вздумает, то может плохо к Насте относиться.

— А вот уж тогда я с ним потолкую! И потолкую как следует, — сказал Машина.

Василий Иванович ушел успокоенный. В самом деле, чего он волновался-то? Ему сразу бы об этом говорить надо было с Машиной, а не с этим чудаком Тунбергом. Уж Машина теперь сделает все, как надо, он всегда добивается того, чего нужно добиваться. Он такой!

XX

НАСТЮ ПРИНЯЛИ В ШКОЛУ ФЗУ

Настя с радостью согласилась учиться в школе ФЗУ: ведь там она будет с Любой вместе! И потом же, когда она кончит школу, она станет настоящим мастером, все будет знать. Люба визжала от радости и плясала. Ее только одно огорчало, что они не вместе кончат школу.

Машина опять ходил к директору и в заводской комитет, опять улаживал Настины дела. Он и к Тунбергу заглянул.

— Ты что обижаешь Василия Ивановича?— сказал он Тунбергу.

— Я обижать? Нет, он сам меня обижать! Узкий специальность мой назвал. Я, Карл Тунберг, могу все рисовать, а он «узкий» говорит.

— Ну ладно, ладно! О чем тут толковать? Настя учиться должна, как ты думаешь?

Карл Тунберг вздохнул и сказал:

— Она очень хорошо работает, она и у меня рисовать хорошо научилась бы. Но я, конечно, не школа, в школе другой предмет есть. Там ее все предмет обучать будут. Конечно, я все это понимаю.

— Да, там, брат, все: и физика, и химия, и все такое. А молодежи все это нужно, им придется после нас жить и работать. Ну, бывай здоров, рисуй узоры свои!— сказал Машина Тунбергу на прощанье.

— Дядя Прокоп, вы меня простите,— говорит Машине Настя, когда он домой из завода вернулся.

— Это за что же? Это в чем же ты провинилась передо мной?— нахмурился Машина.

— Как же... Все вам заботы из-за меня.

— Вот ежели ты так болтать будешь, то я разобижусь в самом деле. Ишь ты какая, рассуждать научилась!— рассердился Машина.

И Настя сама видит, что зря она сказала. Об этом не нужно было говорить: ведь дядя Машина добрый, он любит всем помогать, не только ей. И она давно уже заметила, что он очень доволен бывает, когда ему удастся кому-нибудь помощь оказать.

Все подруги Настины радовались за нее, все смотрели на нее теперь, как на равную.

— Выйдет из девочки толк.

— Ну, еще бы! Она способная и старательная, а из таких-то всегда толк выходит,— говорили о ней рабочие.

В школе ФЗУ, на испытании, Насте было стыдно: по всем предметам, кроме рисования, у ней были неважные отметки.

— Ничего, ничего, ты наверстаешь, мы тебе поможем, — утешал ее Василий Иванович.

И Настю зачислили в состав учеников школы ФЗУ, в первую группу...

Никогда Настя не собиралась так старательно, так долго, как в первый раз в школу ФЗУ. Ведь там много девочек, ребят, нужно же, чтобы замарашкой ее не назвали в первый же день.

Она достала было самое хорошее платье свое, голубенькое, но Люба отняла его у нее.

— И думать не смей надевать это платье, — сказала Люба.

— А какое же? — спрашивает Настя.

— Темно-коричневое, вот какое. Школа не клуб, ты не на спектакль идешь, а учиться. А то вырядишься, как попугай, смеяться будут ребята. У нас там ребята насмешники!

И Люба начала рассказывать ей о ребятах и девочках...

И Настя стала ходить в школу ФЗУ, стала фабзайчонком, как называют учеников ФЗУ в Дятькове...

А вот о том, как она училась там, работала на заводе, коротко не расскажешь, об этом нужно еще такую же книжку писать.

